

КОГДА МИРОМ ПРАВИТ ПРОГРАММА

ЭТА ЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

Татьяна Михайловна Тренина

Эта чудесная жизнь

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64575021

Аннотация

Далекое-далекое будущее, миром правит искусственный интеллект – программа под названием Истина. Она усовершенствовала этот мир – природу никто не портит, исчезли горы мусора и закрылись вредные производства. Люди бродят в виртуальной реальности, не отличимой от реальной жизни.

Спутника жизни теперь выбирает программа. Нет измен и ревности, человеческое либидо под контролем. А дети – рождаются только у готовых к этой роли родителей...

Юной Рите, стоящей на пороге взрослой жизни, предстоит жить в дивном новом мире – где все проблемы решены, и ей надо только дождаться своего запрограммированного суженого. Они не знают друг друга, но обречены на брак.

Рита слышит вокруг себя разговоры о свободе, и впервые начинает сомневаться в Истине. Оказывается, люди с ностальгией вспоминают о прежнем, «неправильном» мире... Или без контроля мудрой программы – человечество не выживет? Рита может полюбить своего избранника, а может – сделать его своим врагом. Их любовь несет опасность для обоих, и для всех окружающих. Ситуация осложняется еще и тем, что человечеству

угрожает очередная эпидемия. Истине предстоит разобраться с опасной инфекцией и с новоявленными революционерами. А Рите – придется сделать свой выбор...

Татьяна Тренина

Эта чудесная жизнь

Мятлик луговой – один из самых ранних злаков.

...Этой ночью мне приснился странный сон. Будто я оказалась в далеком-далеком прошлом, когда люди жили в высоких домах, сами водили авто, ели животных, с вирусами боролись с помощью вакцин, и миром – правили тоже люди, а вовсе не программа. То ли кошмар, то ли, наоборот, умиротворяющая сказка?...

Утром я открыла глаза, и поняла, что это был только сон. Все пространство вокруг меня было наполнено серо-голубым сиянием. Каждый день подсветка стен в моей комнате менялась под мое настроение. Вернее, задача этих цветовых переливов – улучшить настроение живущего здесь, конкретного человека.

Вот он какой, цвет моего настроения сегодня. Вообще-то я не любила серый, он казался мне скучным и тоскливым.

О грустном же я совсем не хотела думать в эти, самые первые минуты после своего пробуждения. Я и так все время старалась изгнать из своих мыслей звук сирены, оповещающей о карантине. Хоть с тех пор, как я слышала этот звук в последний раз, и прошло много времени, но, подозреваю, совсем забыть его невозможно.

Нина, моя воспитательница, в последнее время часто мне напоминала: «Ты, Рита, уже почти взрослая».

Я и хотела распрощаться со своим детством, и немного побаивалась тех, пусть и добрых, перемен, которые несло с собой взросление. А что, можно же быть взрослой, и жить так, как я сейчас живу, когда считаюсь еще ребенком?

По-хорошему, лучше не думать ни о прошлом, ни о будущем. Это лишние мысли. Ненужные. Все равно прошлое уже не изменишь, а будущее – предопределено Истиной... И только настоящее имеет смысл.

Я лежала, и наблюдала за переливами цвета на стенах. А что, если я не пойду сейчас в Столовую? Просто останусь дома, и буду нежиться в постели – так долго, как захочу... Я заерзала, пытаюсь подстроиться под небольшое возвышение плотного изголовья. Укуталась в одеяло с головой, только небольшой просвет оставила, чтобы дышать. Зажмурилась. Но сон уже не шел, и к тому же желудок весьма ощутимо сжался от голода. Вот так всегда – невозможно сопротивляться режиму!

Нет, придется все-таки вставать.

Я вздохнула, потянулась назад, и, не глядя, нажала на большую плоскую кнопку в стене. Без результата.

Эти кнопки при механическом нажатии вырабатывали электричество, и иногда приходилось повторять действие, если электричества не хватало.

Я опять нажала на кнопку, уже приложив значительное

усилие. Лишь тогда, с едва слышным стуком, упала в углубление под кнопкой – утренняя жвачка. Я нащупала ее, затем закинула в рот. Принялась жевать, медленно и методично. А иначе и не получилось бы ее раскусить, такую тугую, плотную. Вкус у жвачки нейтральный. Но Лара, соседка по дому, как-то призналась, что ей данный вкус в последнее время кажется горьким, и потому она каждый раз мучается, перетирая зубами «эту гадость», а потом, проглотив, с трудом сдерживает приступ тошноты.

Это странно. Меня вот совсем не тошнило, и никаких других некомфортных ощущений я тоже не испытывала, когда проглатывала уже разжеванную, мягкую субстанцию. Наоборот, после того во рту возникало приятное ощущение чистоты и свежести. Вот как сейчас: я проглотила жвачку, и тут же словно забыла о ней.

Я полежала еще чуть-чуть, но потом все-таки не выдержала и, откинув одеяло, встала с кровати. Подошла к окну, ощущая голыми ступнями мягкий, бугристый пол, напоминающий неровную почву.

Никого на улице. Было видно веранду первого этажа нашего дома, сделанную из прозрачного материала. На веранде тоже никого. Значит, моя другая соседка, Дина, и ее маленький сын Ники, еще не встали.

Я отправилась в туалетную комнату – небольшую, узкую, круглую, вытянутую вверх. Формой она напоминала стакан. Все поверхности здесь в длинных щелях и отверстиях, поз-

воляющих воздуху внутри помещения свободно циркулировать.

Я одной рукой нажала, опять же, применив значительное усилие, на выступающую из стены кнопку, и мне прямо в другую руку упала подложка, за которой тянулся непрозрачный шланг. Я приладила подложку – длинную, чуть загнутую, с двумя входами, прикрытыми пленкой, не пропускающей запах – к себе спереди, между ног, и замерла. Вернее, подложка сама присосалась, довольно плотно, к телу, чуть шевельнулась, когда разжимались пленки на ее поверхности, соприкасающейся с моим телом. Я чувствовала, что происходит с моим организмом (эти самые «большие и малые процессы», как говорили мне в детстве) но на всякий случай терпеливо ждала короткого сигнала, оповещающего, что процедура закончена.

Би-ип.

Я отсоединила подложку, отпустила ее – шланг сам втянулся в стену, исчез за панелью вместе с подложкой. Там, в глубинах дома, она стерилизовались. А все продукты жизнедеятельности организма уходили куда-то вглубь земли.

Для женщин существовали подложки одной формы, для мужчин совсем другие. Вон, за другой скрытой панелью, как раз подложка «для мужчин». Но она в моей квартире не работала, что не удивительно, ведь я жила тут одна. Стандартная квартира под маркировкой «один человек», рассчитанная на оба пола на всякий случай. В квартирах, где жили ма-

ленькие дети, подложки отличались еще и по размеру.

Я не представляю, как раньше люди справляли естественные надобности, и видели, нюхали, да и осязали порой все то, что пряталось у них в кишках? Да еще тратили воду на канализацию, и делали из деревьев специальную бумагу, чтобы вытираться ею...

Меня всегда, сколько я себя помнила, интересовало то, как люди жили раньше. Это, наверное, свойство моего характера – анализировать вещи самые простые, обыденные, привычные, на которые никто из моего окружения уже давно не обращал внимания. Поэтому немудрено, что мне сегодня приснился такой странный сон.

Затем я чуть расставила ноги, отвела от боков руки, чтобы поверхность моего тела оставалась максимально открытой, нажала на очередную кнопку перед собой, и зажмурилась. Поскольку с открытыми глазами процесс дезинфекции невозможно выдержать, очень сушилась слизистая... Со всех сторон меня стало обдувать воздухом из щелей дезинфектора, спрятанного за стенами, а волосы поднялись вверх, там, в потолке, над головой, воздух, наоборот, втягивался. Вот теперь едва заметно запахло цветочной отдушкой, как всегда, когда происходила дезинфекция тела и головы.

Приятное ощущение – все тело обдувалось, и струи воздуха теребили волосы на голове, это заодно и распутывало их. Иногда, в определенные промежутки времени, с предупреждающими мелодичными трелями, сверху спускался

очередной шланг, с широкой круглой насадкой, как раз по объёму головы. Волосы втягивались в отверстие внутри насадки, там что-то щёлкало, затем насадка опять поднималась к потолку. Так корректировалась длина волос. У женщин она длиннее, у мужчин короче. Вроде, так было всегда, что-то типа традиции. Хотя шли разговоры, что вот, благодаря генной инженерии от мужских бород избавились, от волос на теле тоже (как и от ногтей на пальцах, кстати), надо бы ещё и от шевелюры избавиться. Потому как – ненужное расточительство. Тогда и мусора меньше (волосы же выпадают потихоньку, засоряют пространство), и конструкции домов станут проще, и сам процесс очищения тела – экономнее и быстрее. Другие же говорили, что без волос на голове мы станем совсем одинаковые, и так неинтересно. То есть, ещё не все были согласны лишиться шевелюры.

Но, пока общее мнение не пришло к консенсусу (Истина эти процессы в обществе отслеживала), то все население Земли оставалось при волосах на голове.

Я вышла из туалетной комнаты; в спальне опять с усилием нажала на очередную кнопку, и достала из одного люка в стене чистые брюки, из другого – чистую футболку. Штанины у брюк несколько раз сжала ладонями, смяла, уплотнила ткань – укоротила, тем самым, их длину. Поскольку брюки, если я их надену без предварительных манипуляций, окажутся мне длинноватыми. А вот с футболкой я ничего не стала делать, сразу натянула её на себя, футболки в послед-

нее время мне подходили идеально.

В общем, это был довольно нудный момент в утренних сборах, когда приходилось подгонять одежду по размеру. Так она, конечно, вся одинаковая, просто кто-то из людей чуть выше, кто-то чуть ниже, у кого ноги длинней, у кого руки. И вообще мужчины от женщин немного отличались пропорциями... Вот тогда приходилось тянуть, либо чуть сжимать в ладонях ткань, чтобы она либо растянулась, либо сжалась, под нужный размер. С детской одеждой возни столько же, ее выдавали в отдельном люке, который находился лишь в тех квартирах, в которых росли дети.

Раньше, в прежние времена, когда мир был иным и им еще не правила Истина, одежду сразу шили в нескольких размерах, которые уже никак не изменить. То есть, ничего не надо было делать с тканью специально, вещи подходили человеку сразу и по длине, и по ширине. Разумеется, если их выбрать правильно, по своему размеру и росту. И еще одежда мужчин и женщин – серьезно различалась по фасону. Женщины могли надевать платья и юбки. И с обувью люди тогда тоже много чего придумывали... Разглядывая в главном хранилище всей информации – Мемори – картинки прошлого, я ужасалась обуви с высоким каблуком. Это пытка на таких ходить!

Что интересно, раньше практиковалось ношение нижнего белья – всякие трусы, и лифчики еще у женщин, на грудь, существовали. Столько лишних предметов гардероба, очень

неэкономно...

К тому же и верхняя, и нижняя одежда постоянно пачкалась. Одна капля соуса, брызги от дождя, пролетевшая птица – и все, вещи нуждались в чистке.

Это потому, что прежние материалы, из которых изготавливали одежду, не отличались особой стойкостью к внешним воздействиям. Одежду то и дело стирали в воде. Сначала это делали руками, потом, с развитием цивилизации – в специальных машинах, которые еще и ломались часто, и требовали замены на новые... Хотя к тому моменту уже имелись технологии, позволяющие выпускать одежду из «правильных» тканей.

Мир утопал в мусоре, в отходах, и одно из главных богатств Земли – вода – тратилась очень неэкономно.

Все изменилось, когда появилась Истина. Искусственный интеллект, или же, если выбрать определение проще – компьютерная программа. Истина оптимизировала, наконец, все ежедневные, рутинные процессы человеческой жизни, сделала минимальным расход важных ресурсов планеты. Одежда стала изготавливаться только из тех тканей, которые не пачкались и не промокали. Нужда в так называемой стирке отпала, осталась только дезинфекция. Вода при этом не использовалась.

Словом, из прежнего хаоса Истина создала порядок, причем во всех сферах, начиная вот от этих самых коммунальных, бытовых дел, заканчивая тем, что даже автомобильный

трафик был взят под контроль, и теперь ни одна поездка не проходила впустую, без людей и без грузов.

Но, насколько я знаю из Мемори, внедрение Истины поначалу тормозилось обществом. Ей боялись довериться. А вдруг она возьмет власть, да и уничтожит полностью человечество? Просто потому, что не увидит в нем пользы. И контролировать ее тоже не получится, поскольку она умнее людей. Саморазвивающийся сверхинтеллект! И предсказать действия Истины тоже нельзя, поскольку человеческий разум уже не в состоянии постичь то, что «осознала» супер-программа.

«Искусственный интеллект является основной угрозой, с которой человечество сталкивается как цивилизация!...»
«Искусственный интеллект – тот случай, когда нам нужно реагировать заранее на его действия, а не после них! Потому что потом будут уже поздно!» – Вот примерно об этом спорили люди в то время. Многие переживали, что искусственный интеллект может спровоцировать войну – с помощью компьютерных взломов и дезинформации...

Но все опасения оказались напрасными. Люди спокойно продолжили жить на Земле под властью искусственного интеллекта, и даже забыли о многих своих прежних трудностях (собственно, с чего вдруг и решили когда-то внедрить Истину – чтобы справиться с ними). Жить сразу стало легче, и, главное, проще. Человеку уже ни о чем «бытовом» не приходилось думать. Ничего его жизни и здоровью больше

не угрожало. Да, совсем уж без проблем не получилось, но эти, оставшиеся, мелкие проблемы – успешно преодолевались, было бы желание. В сущности, нерешенным остался лишь вопрос с инфлюэнцей...

Еще прежде, я знаю, боялись того, что внедрение Истины искоренит любопытство. Любопытство почему-то считали главной движущей силой, без которой никак нельзя, и что, собственно, именно потому и стал человек разумным, что у него есть эта прекрасная особенность – любопытство. И именно оно толкает к открытиям и прогрессу.

Но и это опасение оказалось напрасным. Верно, потому, что у любопытства есть и другая сторона, которая значительно ухудшает и усложняет жизнь. Столько бед и глупостей люди натворили именно в раже любопытства... С какого-то момента оно начинает все только портить.

Когда выработана единственно верная стратегия жизни, то всякое отклонение от этой стратегии – грозит гибелью человечества. Пусть даже если тяга к переменам вызвана самыми благими намерениями, желанием улучшить жизнь...

И вообще, похоже, ученые ошибались, считая любопытство *главной* потребностью именно на этом отрезке развития цивилизации. В начале развития – да, любопытство являлось благом. Когда же человечество достигло пика своего развития, любопытство превратилось в зло.

После внедрения Истины наступила так называемая технологическая сингулярность: когда вычислительные воз-

возможности программы – превысили возможности человеческого мозга, и тот был уже не в состоянии понять работу компьютера...

А зачем человеку – это понимание? Истина же была создана как копия человеческого сознания. Гораздо более мощного, да, но решающего именно *человеческие* проблемы... Работу Истины понять нельзя, кто спорит (да и смысл?), зато результаты ее работы – понятны, приятны, и удобны. Они устраивают всех.

Противники Истины утверждали еще, что предсказания хода истории после того, как миром станет править искусственный интеллект, потеряют всякий смысл. Потому что тогда история будет твориться разумом, превосходящим человеческий.

Но и тут они ошиблись. Какая такая история, что там должно твориться, и что значит – непостижимое?! Наоборот, история перестала существовать, напрочь. Никаких невероятных происшествий, неведомых событий, невероятных явлений, глобальных перемен... Жизнь человека максимально упростилась, в хорошем смысле, и стала вполне предсказуемой.

...Закончив со всеми своими утренними делами, я вышла из своей квартиры, и хотела было уже захлопнуть за собой дверь, но в этот момент у меня зачесалась ладонь левой руки. Это подало сигнал мое Око. Я взглянула на ладонь, круглый экран на ней, называемый Оком, показывал восклица-

тельный знак, ярко-красного цвета. В принципе, ясно, Око давало подсказку: я что-то забыла сделать.

...Раньше, в те времена, что еще до Истины, существовали люди, которые называли себя трансгуманистами. Они мечтали об улучшении человека – в физическом, умственном, эмоциональном плане. Хотели превратить гомо сапиенс в человека-компьютер, напичканного всевозможными имплантатами, улучшающими его жизнь. Чтобы человек не старел, не болел, да и вообще, по-хорошему, обрел бы бессмертие. (Трансгуманисты даже всерьез рассматривали идею переноса человеческого разума в компьютер, что должно было подарить «царю природы», по их мнению, жизнь вечную).

В этом заключалась какая-то невероятная инфантильность людей прошлого. Дескать, в будущем все проблемы решатся с помощью науки и новых изобретений. Фантасты-трансгуманисты легко сочиняли утопии, в них совершенные существа жили в совершенном мире, который весь был к их услугам. Но откуда вдруг возьмутся ресурсы на эти роскошества – фантазеры из прошлого даже не задумывались.

А это оказалось слишком дорогим удовольствием, требующим чересчур много ресурсов – создание человека совершенного. Ну ладно, одного-то можно сделать, а если главная задача – осчастливить всех? Что будет с миром, если вкладывать много ресурсов в *каждого* человека, живущего на Земле? Невозможно всех без исключения превратить в ходячие

сокровища, в совершенных, и потому бесценных созданий.

Истина посчитала, что подобные «улучшения» окончательно погубят планету, заваленную мусором и отходами, истощат и без того чахлые ресурсы, а деятельность заводов и предприятий, на которых будут производить необходимое оборудование для *всех* – окончательно «добьет» экологию. И другой момент, что потом делать человеку-гаджету, на убитой планете, чем заниматься, куда прикладывать свои драгоценные сверхусилия? Или надо лететь в космос, чтобы «добивать» и другие планеты?

Проще и дешевле гоняться не за бессмертием, а убрать, или хотя бы снизить у населения страх смерти, уровень тревожности.

И потом, как оказалось, чем продолжительнее жизнь, тем сильнее нежелание завести детей.

Соответственно, придется постоянно поддерживать физическое состояние человека-компьютера, вернее, всю ту электронику и механику, которой он «набит» под завязку, а так же лечить и поддерживать в хорошем состоянии то, что называется «бренной плотью».

На поддержание в достойной форме каждого усовершенствованного человека тогда ухнется еще столько ресурсов, что человечество окончательно разорится, во всех смыслах.

Дешевле и проще родить новых людей. И сделать их жизнь приятной.

То есть, теперь современный человек, пока живет, он

вполне себе счастлив, а грядущая смерть его не сильно пугает – если с самого рождения готовить его к этому, и вовремя купировать острые приступы страха и тоски с помощью фарма. В конце концов, желание счастья и покоя сильнее тяги к бессмертию, вот что показали наблюдения.

Поэтому Истина, просчитав все плюсы и минусы трансгуманизации, ограничилась лишь небольшими изменениями. Имплантом (мини-компьютером), внедренным человеку в мозг, и Оком – чипом, с выведенным на ладонь небольшим экраном, куда Истина посылала сообщения в виде схематичных картинок: что надо сделать, что не надо делать, куда пора идти, или же оповещала о том, что кто-то из знакомых желает выйти с этим человеком на связь. Око так же являлось и идентификатором личности. Имплант и Око работали на энергии тепла человеческого тела.

Решить же задачу радикально, то есть, «слить» все живые существа в компьютер (что весьма экономно, кстати) тоже не получилось. Хотя существование в виде алгоритма, внутри электронной схемы было возможно. Да, ученые вполне могли создать «электронную» версию данного конкретного человека. В которой учитывались все его внешние признаки, свойственные ему эмоции, характер, поведение, возрастные изменения, возможные реакции... Его способы взаимодействия с другими людьми, его инсайты, провалы и взлеты... Затем смоделировать мир, похожий на настоящий, и заставить электронную версию этого человека и версии дру-

гих людей – жить в нем, в этом мире, тоже электронном. Да пожалуйста, можно придумать такое. Но тела-то реальных, живых людей – куда потом девать? Пусть валяются по всей планете, разлагаются себе, а внутри компьютера – кипят их якобы живые страсти?

Данный вариант будущего мало кого вдохновил: люди были готовы фантазировать о нем, но на деле все боялись именно физической гибели своего тела. Причем, если вспомнить, этого боялись даже в те времена, когда повсеместно верили в загробную жизнь.

Многих пугало даже такое состояние, как кома, хотя мозг работал и тогда, а человек, провалившийся в кому, в сущности, находился в том самом, вожделенном вирте.

И сны, как аналог вирта, тоже не вызывали энтузиазма, люди очень четко ощущали эту тонкую грань между жизнью и играми разума.

Ведь переход от живого существования к виртуальному в любом случае связан с гибелью тела, а значит – равен смерти. Такой переход, пусть и в жизнь вечную, в сущности, являлся коллективным самоубийством.

Некоторые люди, все же, соглашались после своей реальной смерти перейти в виртуальность. Одно время даже существовали фирмы, которые именно этим и занимались: переправляли не то что мертвых, а еще даже вполне себе живых людей (вернее, их электронные версии, сканы их мозга) – в «загробный», виртуальный мир, после оцифровки их созна-

ния. Причем, виртуальный мир можно было смоделировать любой, по желанию человека. Как выяснилось довольно скоро, у каждого были свои представления о лучшем мире, в котором хотелось бы остаться навсегда. Мало кто желал оставить свою виртуальную копию в том виртуальном мире, который полностью походил на настоящий. Скоро окружающее пространство наполнилось бесчисленными мини-компьютерами, в которых хранились «души» умерших. Что с этими мини-компьютерами только не делали их живые родственники, даже ожерелья составляли, и носили на себе – так сказать, в память о предках. Потом придумали хоронить вместе с телами умерших, клали мини-компьютер в могилу с покойным. Но скоро эта мода закончилась, люди потеряли интерес к такому рода «бессмертию».

И всерьез задумались уже о другом: что, если вовсе отменить смерть? Погрузить живые тела в вечный сон, как в той известной старинной истории про Матрицу? Но... земных ресурсов опять не хватило бы на то, чтобы создать такое царство спящих, да еще и поддерживать все эту систему в порядке целую вечность. Слишком грандиозная задача, невыполнимая – в уже существующих, бедноватых и скудных реалиях.

...Подчинившись сигналу, посланному мне на Око, я вернулась обратно в свою квартиру. И точно, в спальне я обнаружила, что не убрала одеяло. Оно так и лежало на кровати – скомканное, сдвинутое к подножью. Я взяла одеяло,

и, предварительно нажав на кнопку, открыла люк, затолкала одеяло туда. Там, где-то в глубинах дома, под городом, вещи всех жителей подвергались процедуре дезинфекции. Каждый день. Одеяла отдельно, брюки и футболки тоже отдельно. Можно конечно, в одну кучу все вещи свалить, но, как понимаю, это было бы непродуктивно и неэкономно – сортировать-то их потом сложнее. Проще разделить потоки вещей изначально, чем строить дополнительную, требующую ресурсов, систему их сортировки.

После дезинфекции, вечером, каждый житель из этого же люка мог вытащить уже «чистое» одеяло. Не его, не личное, а, так сказать, общественное. Поскольку индивидуальные вещи – слишком дорогое удовольствие. Еще и сортировать их по принадлежности каждому, то есть, по второму разу; тем самым, получается, еще больше усложнять систему! То есть, тратить на все это ресурсы. И другой технический момент. *Сложная* система будет чаще выходить из строя и требовать замены, а значит, это опять лишняя трата ресурсов.

Поэтому Истина сочла, что человеческие капризы (иметь свое, индивидуальное) того не стоят. И люди с этим согласились. Если бы сейчас кто-то высказал свои претензии на тему того – «хочу, как раньше, в прежние времена, иметь свое, личное», то этого человека не поняли бы, и сочли бы транжирой и эгоистом, не думающем об окружающем мире.

Кстати Лара, соседка, несколько раз пренебрегала подсказками Ока, и забывала кинуть использованное одеяло в

люк. И вот тогда включался звук-напоминание, конечно, не такой тревожный и страшный, как сигнал, оповещающий о начале карантина, но тоже, приятного было мало это слушать. Звук становился все громче и громче. Выскакивали из квартир все жильцы, искали ее, или Дэна; недовольную Лару, в конце концов, соседи вынуждали исполнить предписание...

В наше время все было подчинено экономии и строгому контролю, плюс постоянной дезинфекции. Все предметы в Столовой, а так же одежду, обувь, коптеры, детские коляски, медицинские каталки и прочее – полагалось неукоснительно возвращать на место.

Лара и Дэн жили в квартире для семейной пары («мужчина + женщина»), с общей спальней, общей туалетной комнатой (там работали два устройства для отправления естественных надобностей, мужское и женское), а Камер там было две. Камера числилась за каждым жильцом своя. Пожалуй, если и существовала какая-то личная вещь у человека в современном мире, так это именно Камера...

Других пар, помимо Лары и Дэна, в нашем доме не было.

На первом этаже квартира Нины, моей воспитательницы. Это понятно, у Нины теперь мало сил бегать по лестницам, она жила на этом свете очень давно. Напротив Нины, с другой стороны, поселилась не так давно Дина с маленьким Ники, но их квартира – не для пары («мужчина + женщина»), это жилье шло под маркировкой «один взрослый + один ре-

бенок». Почему тоже первый этаж, понятно, Дине с маленьким Ники – сложновато карабкаться по лестницам. На втором этаже, как раз над Ниной, моя квартира, напротив меня, я уже упоминала, поселились Дэн и Лара, семейная пара. На третьем этаже обитал Алекс, а напротив него – находилась квартира Лены.

...Итак, я, разобравшись с одеялом, наконец, покинула свою квартиру, закрыла за собой дверь. Прислушалась: там, за дверью, внутри – загудело, зашумело. Это включилась система дезинфекции всего помещения. Выдувалась та грязь и пыль, что скопилась за ночь в спальне, туалетной комнате и Камере, потом помещение обдавалось воздухом с растворенным в нем дезинфицирующим составом. Как я понимаю, этот состав убивал основные болезнетворные организмы, не все, конечно, а те, что могли нести опасность эпидемии инфлюэнцы. Хотя если вдруг начинался карантин из-за нее (а на моей памяти, увы, это уже произошло один раз), очищающая система дома работала с двойной нагрузкой, помню, аж стены тогда тряслись, и уши закладывало, и – в присутствии людей. Пусть и бесполезно, а что делать...

Открыть дверь в квартиру сейчас, чтобы войти обратно, я уже не могла. Только спустя некоторое время, после очистки. Помню, в детстве сколько раз я пыталась проникнуть внутрь квартиры, пока там шла уборка... Интересно же! Но нет, система не включалась, если в помещениях оставался человек (опять же, если это не карантинный период). Вот и сейчас я

зачем-то подергала за ручку, пытаясь оторвать дверь. Бес-полезно.

Насколько я могла понять, изучая в Мемори материалы о прошлом человечества, раньше люди сами за собой убрали в доме, и все это происходило стихийно и нецентрализованно. Для уборки изобреталось множество устройств, которые часто ломались и выбрасывались, а потом приобретались новые... Стоял огромный завод по изготовлению каких-нибудь пылесосов, там работало много людей, они их собирали... Затем пылесосы везли к месту их продажи – магазину. В магазин шел человек, покупал пылесос, и вез его к себе домой... Как-то так все это происходило тогда, давно. Это ж сколько ненужных манипуляций и передвижений! А каким бессмысленным, хаотичным, совершенно неконтролируемым выглядел в те времена дорожный трафик!

Некоторые люди и вовсе не утруждали себя домашними хлопотами, позволяя своим квартирам зарастать грязью и мусором.

Иные же приглашали на дом специальные, клининговые службы, это все за деньги в ту пору, разумеется.

Короче, у кого денег не хватало, сами все чистили, то есть, тратили кучу времени и сил на уборку... В результате все равно горы мусора, частые вспышки инфекций, сломанные приборы, требующие замены, и, плюсом, то есть, минусом – человеческая усталость. Я, изучая сведения о быте прошлого в Мемори, с трудом представляла себе те времена. А, и мало

того, именно на женщин валили тогда весь уход за домом...

Так происходило до тех пор, пока не наступило время Истины, и не стали выпускать однотипные дома, с уже готовыми, встроенными в них системами уборки и очистки помещений.

...Я спустилась вниз. На первом этаже никого, лишь слегка что-то гроыхало за дверь, ведущей в гардеробную, там висели накидки на холодное время года. Из квартиры, где жили Дина и Ники, слышалось веселое повизгивание Ники. Значит, все-таки он проснулся, и они с Диной скоро тоже отправятся в Столовую.

За дверь, ведущую в квартиру Нины – тишина. Я зачем-то посмотрела на свою левую ладонь, на Око, нет ли сигнала от Нины? Может, она хочет со мной связаться? Или вдруг Истина сообщит, что вот, прямо сейчас – Нина нуждается в помощи? Но нет, никаких сообщений пока.

А если все-таки зайти к своей воспитательнице?

Хотя навязываться – это последнее дело... Истина сама решит, пора спешить с помощью, или нет. Она даст знак тогда.

Сколько якобы слабых людей было развращено альтруистами прежних времен, их ненужной помощью... А сколько гнева и лишних эмоций обрушивали на окружающих бездельники, сетующие на то, что им мало существующей помощи, и им надо ее – все больше и больше... Претензии, несбывшиеся ожидания, обиды, и раздражение – изрядно

портили когда-то атмосферу в обществе. А кто-то, наоборот, погибал в одиночестве, не в силах или не имея желания обратиться к людям за столь нужной им поддержкой.

Поэтому Истина решила: в помощи нуждаются только те, кто без нее действительно обойтись никак не может. И все люди теперь, скопом – волонтеры. Кто ближе (или быстрее, или сильнее), тот и бежит на помощь своему соседу, получив от Истины сигнал на Око. Это экономней и проще, чем содержать отдельные службы спасения, как раньше.

...Я ногой, приложив изрядное усилие, нажала на кнопку у выхода из подъезда. Открылась ниша рядом, на стене, внизу: там стояли сабо, примерно подходящего мне размера. Я по очереди всунула в них ноги.

Наконец, я вышла на улицу.

Было тепло, светило солнце. Дорожка под навесом (он защищал от дождя и снега) вела к площади, то есть, к центру нашего района, где располагались его главные объекты.

Столовая, Медикал, Ловемат, Тренажерная.

Сейчас я направлялась к Столовой.

В Столовую можно было попасть через простой вход (открыл дверь, закрыл дверь, никаких усилий). Или через Лабиринт, где приходилось, уже предпринимая значительные усилия, открывать многочисленные дверцы, крутить по пути, преодолевая их сопротивление, рычаги... Все это сопровождалось звуками щелканья, цоканья, звяканья и треска, такими смачными, звонкими и веселыми, что приятно слу-

шать. Особые умельцы, проходя Лабиринт, могли все эти звуки сложить в мелодию, но у меня пока, кроме довольно-таки однообразного марша, ничего не получалось.

Говорят, если в Лабиринте не было бы звуков, сопровождающих все это действо, то электричества вырабатывалось бы гораздо меньше... Поскольку звонкие и сочные звуки при нажатии и кручении, приятное, упругое сопротивление кнопок и рычагов – влияли на энтузиазм людей. Действие должно рождать тактильный и слуховой отклик. Ну и заодно это все физическая зарядка.

Кручение-верчение рычажков в Лабиринте – позволяло копить электричество в безопасных батареях. Таким образом использовалась энергия человеческого движения. Нажатие кнопок в доме – из той же оперы, тоже сбор электричества.

Поэтому вечерами мы все ужинали в Столовой, в разноцветных переливах света. И у каждого жильца в его квартире, соответственно, тоже красиво мерцали стены.

Когда-то люди думали, что в будущем они перестанут жечь уголь, или там, газ, поскольку горение этих продуктов значительно загрязняет атмосферу. Люди были уверены, что скоро они начнут потреблять энергию Солнца. Или ветра! То есть, получать электричество от солнечных, либо ветряных батарей. Нет, не вышло. То есть, вышло, и долгое время пользовалось популярностью, но оказалось, что это, все же, достаточно дорогое удовольствие, особенно в масшта-

бах целого мира. С самого начала на изготовление тех самых солнечных батарей расходовалось много ресурсов, и, к тому же, подобные батареи требовали частых замен. Не везде им находилось применение из-за капризов Солнца. Утилизировать их тоже было сложно... Порой затрат энергии на производство, а потом переработку израсходованных материалов – требовалось больше, чем добытой из них энергии. Природа при производстве и утилизации батарей – тоже загрязнялась. Те же самые минусы касались добычи энергии из ветра, из приливов и отливов, и прочего.

А когда случалась непогода, эти батареи могли легко выйти из строя: панели солнечных батарей залепляло снегом, а ветряки обледеневали на морозе и переставали крутиться.

Вот энергия движения – это проще и дешевле. И никаких отходов, способных негативно повлиять на природу.

Ученые изобрели приборы, требующие для своей работы минимума усилий, то есть, человеку даже не приходилось особо напрягаться. Нажал несколько кнопок, и на тебе, освещение в квартире на весь день. Прошел Лабиринт – позволил работать кухне. И электричество при этом не терялось, сразу шло в дело. А раньше оно, со всеми этими электростанциями, еще как терялось, на каждом-то передаточном звене.

...Я прошла Лабиринт (под бодрящую какофонию звуков!), и оказалась внутри Столовой.

Столовая – очень просторное помещение. Но народу в этот момент здесь присутствовало не так много, в основном,

«дальние» знакомые, я с ними и не общалась особо, так, «привет-пока». От общения ведь тоже устаешь, никто не хочет перегружать свою нервную систему.

Я приблизилась к раздаче, провела Оком перед считывающим устройством. Поднялась панель, и откуда-то из глубин кухни ко мне выкатился поднос с завтраком. Лично мой набор всех нужных витаминов и микроэлементов, и необходимое мне количество жидкости.

Я взяла поднос, хотела уже сесть у окна, но тут из обычного входа появилась Дина с коляской, в которой сидел Ники, довольный и веселый. Через обычный вход проходили мамы с маленькими детьми, и такие как Нина, то есть, люди, давно живущие на Земле.

– Рита! Привет, давай вместе! – сразу крикнула мне Дина, и потащила Ники к раздаче. Я заняла трехместный столик на нашу компанию, придвинула специальный стул для малыша.

Прибежала Дина, усадила Ники рядом со мной, потом убежала за подносами – своим и для сына.

– Привет, – сказала я Ники. – Привет, мальчишка!

Он захохотал, закрыл себе лицо ладонями, потом растопырил пальцы и принялся тарашиться на меня озорными глазами.

– Ой, а где Ники? Где наш Ники? Он же только что был тут! – притворно испугалась я.

Ники захохотал, отвел ладони от лица, потом опять спрятался за ним.

– Дай лапку! Дай свою чумазую лапку... Будем дружить, да, мой мальчик?...

Мы с Ники соединили на миг свои ладони, Оком к Оку. Примчалась Дина с подносами.

– Ты представляешь, не хотел никуда идти... Еле его выманила. Пошел только, когда я сказала, что Рита придет.

– Лита, – звонко произнес Ники.

– Да, Рита. Где у нас Рита, а?

Ники потянулся ко мне, пришлось наклониться к нему. Он с чувством обнял меня за шею, а затем звонко поцеловал в щеку. Это ужасно растрогало меня. Я тоже поцеловала Ники, в макушку.

– Ники, давай есть, а то остынет. Ну-ка, что у нас тут... попробуй, – Дина указала на тарелку перед ним, затем сунула в руки сына ложку.

Ники затряс головой, протянул к лицу Дины свою ладошку с Оком.

– Так я и знала! – укоризненно произнесла она. – Рита, мы сейчас...

Она схватила Ники на руки, и убежала в общественную туалетную комнату, что располагалась неподалеку.

Вернулась скоро, опять посадила Ники на его стул.

– Забыл, и я тоже хороша, не стала его контролировать перед выходом, – пожаловалась она, кивнув на сына.

– Ничего. Я вот сегодня одеяло на дезинфекцию не сразу закинула, пришлось возвращаться. А Лара вообще много

чего забывает! Что она, на Око свое не глядит, что ли... А, Дина! Давно хотела спросить. Это тяжело – растить ребенка?

– Нормально, – ответила Дина. – Да я, в общем, спокойно ко всему этому... У Ники сейчас особый период, он привыкает к самостоятельной жизни. Раньше мне, на мое Око все сигналы от него дублировались, а теперь нет. Он сам за себя, да, Ники? – она провела рукой ему по плечу.

– Сам! – радостно, с гордостью произнес Ники.

– В следующий раз один пойдешь в туалет, ладно? Без мамы? – сказала ему Дина. Потом обернулась ко мне. – Он и сейчас сам дома со всем справляется, но это дома, а здесь ему без меня еще немного непривычно.

– Ники молодец, – сказала я, не отрывая взгляда от сына подруги. – И вообще... Знаешь, я о чем иногда думаю? Как раньше тяжело было мамочкам. Все это... не за столом будет сказано, ты поняла.

– И не говори. Но у Ники очень рано сформировалась связь между его мозгом, вернее, имплантом в его мозге и Оком.

– Иннервация.

– Да, иннервация. Теперь почти все – без проблем.

Мы замолчали, глядя на Ники, который довольно уверенно ел ложкой густую бело-розовую смесь из тарелки. А ведь совсем недавно ему на раздаче выдавали бутылочки с жидким питанием...

– Я бы хотела такого малыша, – не выдержала, призналась

я.

– Повзрослеешь – родишь.

– Ты уверена? А вдруг Истина не позволит мне иметь детей? – засомневалась я.

– Пройдешь тесты, и все равно родишь, – убежденно произнесла Дина.

– Ларе вон даже тесты не помогают, – напомнила я. – А они с Дэном, между прочим, день и ночь мечтают о детях.

Дина ничего не ответила. Она почему-то избегала разговоров о Ларе. Та чем-то не нравилась моей подруге.

– Ты не ешь совсем, – подвинула ко мне поднос Дина.

Мы принялись за завтрак.

Основа завтраков, впрочем, как обедов и ужинов, делалась из одного неизменного сырья. Из водорослей. Менялся только цвет блюд, и их консистенция...

У меня в тарелке лежал прямоугольный кусок пищи бело-розового цвета, твердый и хрустящий, и бледно-желтая смесь, отделенная от него бортиком, нежная и густая. Я любила сочетание хрустящего и вязкого, и чтобы хрустящее было таким... немного нейтральным на вкус, а вязкое – обязательно острым, насыщенным. И Истина знала мои вкусы.

Дина же предпочитала еду в виде воздушного суфле, и чтобы одним куском, и все, никаких особых сочетаний хрустящего и вязкого, или там, мягкого с твердым, моей подруге не требовалось. Вот и сейчас у нее на тарелке лежал довольно большой, высокий пласт пищи желто-оранжевого цвета,

который слегка колыхался, когда она отделяла от него ложкой кусочки.

Перед Диной стоял полный стакан воды, в моем стакане воды было чуть поменьше. Консистенцию пищи, сочетание вкусов и прочее, повторяю, учитывала Истина, питье тоже выдавались индивидуально, кому сколько требовалось.

Иногда мы с Диной ели в виртуальном режиме, то есть, пища, полученная на раздаче, виделась нами как старинные яства из прошлого. Именно виделась, а не становилась таковой.

Для этого надо было провести пальцами по Оку, и мысленно сформулировать задачу, которая через имплант в головном мозге передавалась Истине. Истина расшифровывала задачу, и посылала решение этой задачи обратно в имплант. Имплант же транслировал готовую картинку в зрительные отделы мозга, и она синхронизировалось с окружающим миром. В результате человек видел уже «придуманную» Истиной картинку. Окружающая обстановка, люди вокруг – все это оставалось неизменным, а вот содержимое тарелки менялось, трансформировалась в нечто изысканное на вид. Получалось смешение правды и вымысла. Аналог галлюцинаций. Снов наяву!

Раньше для этих целей пользовались очками виртуальной реальности, когда изображение транслировалось на сетчатку. Потом распространились линзы, которые надевались на глаза и тоже транслировали изображение на сетчатку. Но те-

перь, с приходом Истины, даже в линзах нужда отпала. Оно и экономнее – не требовалось делать отдельных, специальных устройств, и ресурсы планеты не тратились понапрасну.

Нынче при рождении ребенку сразу внедрялся в мозг тот самый, специальный имплант. Или наногаджет, мини-компьютер – можно и так его было назвать... Чип с Оком помещался тоже при рождении, сразу, на ладонь левой руки. По мере взросления ребенка – росло и Око, сам экран, вернее. Ребенку он никак не мешал, да и вообще, обычно Око выглядело незаметным, сливалось с ладонью, и на ней даже можно было разглядеть все борозды и складки, по которым в совсем далекие времена особые люди пытались считать судьбу человека, как это... не помню название сего мистического процесса. Но не полезу в Мемори уточнять. Лишняя для меня информация, в любом случае. Я интересовалась историей, но никак не мистикой.

Как я упоминала ранее, Око – связано с имплантом в мозгу человека. Эта связь налаживалась мгновенно, а по мере взросления лишь совершенствовалась. И, с какого-то момента, уже даже не обязательно было четко формулировать свои мысли для того, чтобы получить желаемое. Достаточно лишь смутного ощущения. Некоего движения души, что ли... Истина угадывала и его.

Око, помимо других его функций, отражало потребности ребенка, напоминало ему о чем-либо, направляло – с помощью сигналов, посылаемым на него из импланта. А компью-

терный имплант в мозге, само собой, был связан с Истиной.

Если же ребенок вдруг почувствовал себя плохо, или он оказался в затруднительной ситуации, сигнал от его импланта шел к Истине, а Истина мгновенно пересылала сообщение родным и близким ребенка – с малышом что-то не в порядке, позаботьтесь о нем!

...Я уже упоминала о том, что с Истиной стало проще и легче жить. Кроме того, что люди перестали заваливать Землю мусором, и упростился, облегчился быт, но еще и болезни, терзавшие человечество, тоже прекратились. Почти прекратились. Благодаря развитию генной инженерии теперь рождались только жизнеспособные, здоровые младенцы. Потом, по мере взросления, легче было отследить начальные симптомы некоторых недугов. И тут опять на помощь приходила генная инженерия. Истина мониторила человеческий организм, и, если что не так с каким органом, то происходило примерно следующее: Око просило своего хозяина отправиться на *процедуру*. В медицинском павильоне, Медикале, у человека отщипывался микрокусочек больного органа, в него встраивался здоровый ген, и затем тот же кусочек внедрялся обратно, туда же, откуда взяли, и орган скоро восстанавливался, становился здоровым. Словом, касаясь человеческого здоровья, Истина все что могла, исправляла еще при зачатии, а если вдруг возникал сбой впоследствии, то она тоже легко все корректировала.

Что Истина мониторила постоянно – пульс, насыщение

крови кислородом, давление, температуру человеческого тела.

Время от времени Истина проводила общий анализ крови, и, если выявляла какие-либо отклонения, то направляла человека на процедуру.

Лекарств не существовало. Кроме одного – успокоительного! Разгулявшиеся нервы до сих пор лечили с помощью фармы. Да, можно было внедрить в человека более сложный имплант, и он каким-то образом воздействовал бы на нейроны, заставляя человека успокоиться. Но производство подобных имплантов оказалось бы слишком дорогим удовольствием. Устройства попроще, те импланты, что находились в мозге каждого из нас, вполне удовлетворительно решали все основные проблемы.

Словом, Истина сочла, что в подобных случаях – внезапного волнения, или сильных, мучительных переживаний – удобнее и дешевле воспользоваться старыми добрыми уколами успокоительного.

Лишь над инфлюэнцей Истина была не властна.

Поэтому, едва только у кого-то резко и сильно повышалась температура (что свидетельствовало о начале эпидемии инфлюэнцы) – начинался карантин.

Подытожу: все лечение человека шло теперь через Медикал, и имело две основные формы: «сходить на укол», и «сходить на процедуру». Редко, но случалось – когда в павильоне лечили какие-то травмы. А, забыла, еще роды в Медикале

происходили...

В сущности, если опять вспомнить о трансгуманистах прошлого, то в чем-то они оказались правы. Современные люди теперь корректировали свои, слишком сильные эмоции – уколами, а физические проблемы – процедурами.

Это оказалось дешевле и проще, чем создание «человека совершенного» с безупречной психикой и идеальным физическим здоровьем.

Единственный минус существующего положения дел – это то, что павильоны Медикала изнашивались. Их время от времени приходилось менять. Пусть их и быстро меняли (замена вполне укладывалась, например, в промежуток между завтраком и обедом одного дня), но народ всегда нервничал, а вдруг что случится, именно в этот момент, когда старый Медикал меняют на новый? Но пока никаких проблем в эти короткие промежутки времени, кажется, не возникало.

Почему я говорю «кажется».

На самом деле, произошел один непонятный момент. В нашем районе номер 12.

Не так давно, перед тем, как пришло время менять Медикал, последней его посетительницей оказалась Лара. Ее тогда на процедуру отправили... Ей провели эту процедуру, а потом, буквально в тот же день, поменяли старый павильон Медикала на новый.

А вот с Ларой словно «сбой» какой произошел после того, это многие замечали.

Или дело вовсе не в поломке старого Медикала, а просто так совпало?

Ведь Лара, если вспомнить, всегда отличалась каким-то особенным характером, слишком эксцентричным, что ли.

Словом, если не рассматривать случай Лары, то благодаря Истине физическая жизнь человека значительно улучшилась. Оптимизировалась, подтянулась к идеалу.

В общем и целом люди вообще стали внешне одинаковыми. Да, мужчины чуть повыше, а женщины чуть пониже, и волосы у них длиннее... А, ну и грудь у женщин присутствовала, как я могла забыть! Хотя понятно, почему забыла, грудь у всех женщин сейчас была примерно одинаковая, совсем небольшая. Ведь иначе понадобились бы эти самые лифчики, из прошлого.

Изучая в Мемори прошлое человечества, я узнала, что женской груди раньше придавалась очень большое значение. У людей даже существовал культ женской груди! Ее делали то больше (с помощью специальных имплантов), то меньше, то меняли ее форму... Уйма материалов и земных ресурсов, усилий – тратились на один этот орган. Все это не несло никакой практической пользы. Чисто для любования, и чтобы еще сильнее подстегнуть либидо у мужчин. Я вот не понимаю, зачем его надо было подстегивать именно таким образом, за счет женской груди? Если у мужчины проблемы с либидо, не проще ли, в случае его ослабления – принять лекарство, это ж дешевле и экономней, чем кучу земных ресурсов

тратить на совершенствование женской груди?...

Сейчас грудь у всех женщин выглядела примерно одинаково – совсем небольшая и аккуратная, ее не требовалось обязательно чем-то поддерживать, какой-то отдельной конструкцией, типа тех самых лифчиков.

Отныне не существовало толстых и худых людей, поскольку питание Истина сделала индивидуальным. Когда надо съесть все, что тебе положили на тарелку в Столовой, потому что сверх того, лишнего – уже нигде не найдешь.

– Рита... Рита! Где ты все время как будто витаешь? – спросила меня Дина.

Я обнаружила, что сижу и смотрю в окно, забыв о завтраке.

– Ты знаешь, я как будто не в себе, правда, – не выдержала, призналась я своей старшей подруге. – Только Медикал почему-то не шлет мне приглашения на укол... Или скоро пошлет? Может быть.

– А что с тобой? – с интересом, немного испуганно, спросила Дина.

– Я все время думаю. Вот честное слово, думаю и думаю, не могу остановиться. Все время что-то сравниваю, анализирую... Как в прошлом было, и как сейчас, что такое жизнь, и в чем ее смысл... А еще я очень много стала чувствовать. Вот сегодня утром проснулась, и все вокруг мне показалось таким странным, необыкновенным, словно я в первый раз увидела этот мир!

– Но это неплохо, – подумав, сказала Дина. – И вообще, ты же еще ребенок, твое воображение расторможено...

– Да сколько можно быть ребенком! Мне уже футболки как раз впору стали, – шепотом произнесла я. – Я размерами тела – уже как взрослая, понимаешь?

– Значит, скоро тебя официально признают взрослой, – улынулась Дина.

– И что будет?

– Что будет... с одной стороны, ты сможешь найти себе пару, родить детей. С другой стороны, взрослость – она никак не чувствуется. Я серьезно, по себе сужу. Ники, доедай. Все-все доедай, ты слышишь? – обратилась Дина к сыну.

Мы, все трое, скоро закончили с завтраком. На тарелках ни крошки не оставили. Да и вообще, это неприлично – оставлять недоеденное. Неприлично по отношению к этому миру...

С едой, опять замечу, раньше творилась полная неразбериха. Сначала люди голодали, их косила смерть от неурожая, потом так вышло, что одни народы голодали по-прежнему, а другие уже нет. Перед появлением Истины начался новый перекося – в сторону переизбытка еды.

Еду стали выбрасывать.

Росли горы гниющей еды, которая выделяла парниковые газы, а они, в свою очередь, изменяли климат на планете. Даже больше того, значительная часть будущей еды была уже заранее «обречена».

Сначала часть урожая оставалась гибнуть на полях: потому что человеку, который его выращивал, было дешевле оставить его на поле, чем потратиться на сбор *всего* урожая.

Затем часть собранного урожая тоже выбрасывали, потому что фрукты и овощи не соответствовали так называемым «стандартам красоты» (не тот размер, цвет, вес, количество пятнышек на кожуре).

Затем урожай и продукты, сделанные из него, доставляли в магазины – те места, где их покупало население. Причем изначально продуктов доставлялось много больше, чем надо было. Таким образом создавалась видимость изобилия. Хорошим магазином считался тот, где полки ломились от продуктов. Часть товара выбрасывали просто потому, что его было слишком много, другую часть – потому что заканчивался срок годности.

Ну, а дальше часть еды выбрасывали люди уже у себя дома.

А если учесть то, что под пастбища для животных и плантации сельскохозяйственных растений шли уникальные экосистемы, вырубались леса, и гибли животные, расходовались водные ресурсы, то изобилие еды оказалось не меньшей напастью для человечества, чем ее отсутствие.

Что ж, получается, Истина решила и эту проблему.

...Я отнесла свой поднос с пустой тарелкой и пустым стаканом обратно к раздаче. Там в отдельное окно заталкивались подносы с посудой. Где-то в глубинах кухни посуда с

помощью сильного обдува подвергалась очищению. Поэтому доест все, что тебе выдали – это еще и правило хорошего тона.

Чем чище посуда, тем проще ее привести в порядок, и подать потом на ней уже обед, или ужин. Если еда оставалась на тарелках, то дольше происходил процесс очищения посуды, больше энергии расходовалось, быстрее изнашивалась вся эта кухонная система, в которой готовилась еда в Столовой для всего района...

Дина тоже отнесла пустую посуду. Затем помогла Ники затолкать его поднос в приемное отверстие. Усадила Ники в коляску.

– Мы – гулять, ты, если хочешь, присоединяйся к нам, – обернулась ко мне Дина.

– Я пока Нину хочу дождаться. Ты понимаешь... – я не договорила, неопределенно повела головой.

– Понимаю, – опять серьезно ответила Дина.

Левую ладонь защекотало.

Я подняла руку, и мое Око отразило веселую мордочку Ники.

– Дина... ты посмотри, это Ники! – я, удивленная, показала свою ладонь Дине.

А мальчишка, сидевший в коляске, захохотал радостно.

– А ты у него уже в списке друзей? Когда ж он успел? Ники, поверни ко мне свою ладошку... Да, точно! – Дина склонилась над сыном, заглянула в его Око. Обернулась ко мне: –

Слушай, я постараюсь переадресовать на себя все его запросы, а то он скоро всех окружающих начнет дергать почему зря... Вот, мы освоили и эту функцию, оказывается, – с иронией произнесла она.

– Ну и хорошо, ну и замечательно, теперь мы с тобой всегда на связи, да Ники? – подмигнула я мальчику.

– Да-а! – радостно ответил он.

Дина с Ники покинули Столовую, а я села за одноместный столик, чтобы никто ко мне не подходил, решила дожидаться Нину.

В помещение из Лабиринта зашла Лена, моя соседка сверху (я с ней была в очень хороших отношениях). Лена жила одна, без пары, ее сын давно уже повзрослел и уехал. Войдя, она мне улыбнулась, я ей тоже.

Выглядела моя соседка с верхнего этажа всегда бодрой, подтянутой; ростом она – немного выше, чем обычные женщины, и со спины, думаю, Лена казалась даже моей ровесницей. И, лишь когда поворачивалась лицом к собеседнику, можно было понять, что она уже давно взрослая.

Лена села за отдельный столик со своим подносом, а потом из обычного входа появился Алекс, другой наш сосед, и решительно двинулся к раздаче. Мне он кивнул, Лену словно не заметил. И он тоже сел за одноместный столик со своим подносом.

– Алекс, ты здоров? – немедленно обратилась к нему Лена.

– А что такое? И ты, разве, не видишь, я не хочу ни с кем общаться, специально сел отдельно... – огрызнулся Алекс.

Они, Лена и Алекс, мне кажется, являлись между собой ровесниками. Понятие возраста давно ушло в небытие, теперь люди делились лишь на две категории – взрослые и дети.

А вот раньше общество весьма трепетно относились к прожитому человеком времени, я знала об этом из Мемори. Употреблялись определенные градации возраста, порой унижительные – старики, молодые, пожилые...

Так называемые неравные браки – осуждались. Хотя люди, родившиеся с большим разрывом во времени, могли быть вполне счастливы друг с другом, но общество все равно не отказывало себе в желании позлословить. И вообще понятие «возраста», как я поняла, накладывало ограничения на все сферы тогдашней жизни, так что порой измученный человек сам, добровольно, отказывался от многого. Типа, не положено ему по возрасту, например, любить, искать себе пару – и все тут, надо доживать в одиночестве (при условии, конечно, что человек мечтал о паре). Хотя, бывало, что даже ровесники в паре не могли найти общий язык. Какая разница, старше тебя человек, или младше, если между вами возможна гармония, и этот союз не ущемит главные желания и потребности каждого?

Уму непостижимо, как люди когда-то сами себя умудрялись мучить...

Но Истина урегулировала и эту проблему, понятие «возраста» она просто-напросто отменила. И правильно. Смысл думать о том, что можешь, а что нет, на что имеешь право, а на что и замахнуться нельзя? Не проще ли, не разумней – все просчитать, оценить с математической точностью свои возможности, психологическую совместимость с тем, с кем собираешься контактировать, насколько у вас двоих совпадают желания и приоритеты...

Я, между прочим, одно время увлекалась чтением старинных книг, и там просто ужас какой-то описывался, как все в далеком прошлом были несчастны – и в любви, и вообще. И сами страдали, и других заставляли страдать, и на преступления шли, и опять – мучились, мучились, мучились... Мне под конец все это так надоело, что я совсем забросила чтение художественной литературы.

– А почему ты прошел сюда не через Лабиринт, а через обычный вход? – опять напустилась Лена на Алекса. – Вечером опять в полутьме сидеть будем.

– Не придумывай. Никогда мы в полутьме не сидели. И вообще, я сегодня устал, – холодно ответил Алекс.

– Ты взрослый. Ты сильный мужчина, отчего ты устал, да еще с утра пораньше... – фыркнула она.

Подобные разговоры не были приняты в обществе (никто ни перед кем не обязан отчитываться!), так что Лена, наверное, сейчас поступала неправильно, придираясь к Алексу.

Но я в этот момент находилась на стороне Лены. Алекс

мне не то что бы не нравился, нет... Но я его не понимала, честно. Он сам обожал прицепиться с какой-нибудь ерундой к любому, кто попадался на его пути, и втягивал своего собеседника в долгий спор.

А смысл его речей? Переливание из пустого в порожнее, скучная болтовня. Поэтому я старалась избегать общения с Алексом, мне не хотелось тратить свое время впустую.

Лена быстро позавтракала, затолкала поднос с посудой в чистку, и убежала.

Алекс методично и вдумчиво ел свой завтрак – россыпь темных шариков, вероятно, хрустящих; к ним прилагалась апельсиновая, очень густая подливка. Ах, да у него мои вкусовые предпочтения, оказывается, и почему-то противно от этого...

Но тут мне стало не до Алекса: в Столовую, через обычный вход, зашла наконец Нина. Она двигалась с трудом. Последнее время у нее, судя по всему, не хватало сил. Уж к Нине никто бы не стал придираться (равно как и к Дине с соседой Ники), почему она не через Лабиринт сюда заходит.

– Нина, привет! – бросилась я к ней, обняла.

– Тише, тише, Рита, ты меня уронишь... – засмеялась она.

– Давай, я тебе помогу...

– Я сама...

– Я помогу тебе потому, что люблю тебя, а не потому, что ты нуждаешься в помощи, – возразила я. Взяла Нину под руку, повела ее к раздаче. Нина была чуть выше моего плеча.

И это, к сожалению, тоже напоминало о том, что Нина жила на свете совсем уже давно, очень давно.

Волосы ее – белые-белые. Седые. Морщины на лице, пигментные пятна на руках, а кожа на предплечьях совсем дряблая, пугающе нежная и как будто пустая...

Нина провела дрожащей ладонью перед считывающим устройством.

– Принесу поднос тебе, ладно? Ты садись пока.

– Ладно уж, командирша, – усмехнулась Нина, и зашагала, чуть пошатываясь, к двухместному столику.

Если подумать, то Нина была совсем не ласковой по характеру, а наоборот, очень сдержанной и суховатой. И меня она решила взять в воспитанницы когда-то не потому, что я ей как-то особо нравилась, или ей стало меня жалко... Она призналась однажды, что тогда вдруг почувствовала меня не чужой себе. Своей.

Да, в первую очередь, конечно, это Истина, по каким-то там своим параметрам, сочла Нину наиболее подходящей кандидатурой на роль моей воспитательницы. Но нельзя и отметить желание Нины – стать для меня близким человеком.

Ведь как обычно бывало, если происходило грустное, и ребенок вдруг терял родителей... Тогда кто-то из наиболее подходящих взрослых получал от Истины сообщение: а готов ли он стать воспитателем этого ребенка? Иногда ведь люди отказывались, я о таком слышала, и что, это их право,

даже если они идеально подходили на данную роль... Что ж, в этом случае Истина присылала сообщение следующей кандидатуре... Правда, говорят, первые ряды потенциальных воспитателей – самые подходящие. Вторые-третьи – уже не все так идеально в отношениях взрослый-ребенок.

Когда мои родители умерли от инфлюэнцы, вот только-только это стало известно, Нина сама пришла ко мне, взяла за руку, и повела к Ловемату. Вернее, сначала она отправилась со мной к Медикалу, чтобы я там получила укол успокоительного. Я, честно сказать, тогда вообще мало что сообщала от горя. Истина мне прислала сообщение на Око, что мне надо на укол, но я даже не отреагировала на это сообщение, оно не дошло до моего сознания.

Так вот. Нина явилась ко мне, взяла за руку, и повела сначала к Медикалу, где укол привел меня в чувство, а затем – потащила к Ловемату.

– Давай ты сюда положишь свою ладошку с Оком, Рита, а я сюда, – сказала она тогда мне, указав на поверхности Ловемата две большие кнопки, расположенные на расстоянии друг от друга.

– Зачем? – безучастно спросила я.

– Проверим нашу совместимость. Разрешит ли мне Истина стать твоей воспитательницей, – деловито ответила Нина.

Мы приложили ладони Оком, каждая к своей кнопке, и нажали на них. Кнопка под моей ладонью сначала словно сопротивлялась, а затем ощутимо продавились, и тогда у ме-

ня возникло ощущение, что я и впрямь совершаю некое действие.

Заиграла негромкая музыка, вокруг взвились хороводы разноцветных огоньков, они закружились вокруг Ловемата. Не на самом деле, конечно, они закружились, а в виртуальной проекции... Это Истина послала сигнал в компьютерный имплант, что находился у меня в мозге, а отреагировавший имплант, соответственно, послал проекцию праздничного фейерверка, по нейронным сетям, в зрительные отделы моего головного мозга. Проекция же – синхронизировалась с окружающим миром. И я словно «увидела» фейерверк, наяву, своими глазами.

Тоже самое произошло и с Ниной. И она «увидела» огоньки, и музыку – «услышала...» Потому что с улыбкой принялась вертеть головой, следя за светящимися хороводами вокруг.

Потом мы с ней одновременно взглянули на свои ладони, и там Око каждой показало одинаковые картинки – двух схематичных человечков, один больше, другой меньше, взявшихся за руки.

– И что? – пробормотала тогда я растеряно.

– Это значит, я теперь буду твоей воспитательницей, – сказала Нина. – Истина одобрила мою кандидатуру. Ты теперь не одна, Рита. Я с тобой.

Не знаю, может, это самовнушение, или действие успокоительного усилилось, но мне стало ощутимо легче в тот мо-

мент. Когда я поняла, что теперь у меня, сироты, есть отныне близкий человек.

В принципе, никаких особых изменений в нашей с Ниной жизни не произошло. Просто нас с Ниной поселили по соседству, в этот самый дом, где мы и продолжаем жить до сих пор. Нину отправили на первый этаж, меня на второй.

Я была уже довольно самостоятельной, когда потеряла родителей, а так, наверное, нас с Ниной поместили бы в одну квартиру, под маркировкой «женщина + ребенок», но тут этого не произошло.

Правда, я проводила у Нины все свободное время, и только спать уходила к себе. А, и учебные программы я штудировала у себя, в своей Камере.

Со временем я успокоилась, печаль из-за смерти родителей все меньше терзала меня. Конечно, тут и уколы успокоительного тоже сыграли свою роль... Боль постепенно отступила.

Прошло время. Я уже не нуждалась постоянно в своей воспитательнице, хотя и продолжала к ней частенько заглядывать.

Потом, не так давно, в наш дом заехали Дина с Ники. Я очень сдружилась с Диной, и Ники мне тоже ужасно нравилась. Нина поощряла нашу с Диной дружбу.

Я, конечно, формально еще не считалась взрослой, и некоторые вещи мне по возрасту были недоступны, но соображала я всегда неплохо.

Думаю, Нина, с какого-то момента специально стала держать меня на расстоянии, отсылала все куда-то, потому что не хотела, чтобы я уж слишком к ней привязывалась. Она ведь очень давно жила на Земле, а значит, могла в любой момент умереть. Я ей немного подыгрывала, каюсь. Делала вид, что я постоянно чем-то занята, что у меня куча интересных развлечений, словом, я пыталась ее успокоить таким своим поведением.

Хотя, возможно, она и это понимала тоже, и, в свою очередь, подыгрывала мне.

У Нины имелись собственные, родные по крови дети – сын и дочь, они, наверное, были еще старше Алекса и Лены, поскольку у Нининых детей выросли уже свои дети, а у тех детей родились еще дети... Нина – прабабушка.

Причем, что интересно, дети Нины жили в районе № 1, А там, кстати, еще находился главный компьютер. То есть, Истина, если выражаться высокопарно, «существовала» именно там.

– Какие новости, Рита? – спросила меня Нина, осторожно хлебая большой ложкой жидкую субстанцию малинового цвета.

– Никаких... – пожала я плечами. – Ники научился вызывать меня через Око, и мы с Диной удивились.

– Ах, разбойник! – покачала головой Нина.

– Еще Лена опять придиралась к Алексу, – шепотом произнесла я, оглянувшись на своего соседа. Но он сидел дале-

ко и не мог нас слышать. — А Алекс, такое впечатление, ее просто ненавидит. Почему Истина не разведет этих двоих по разным местам, по разным районам даже?

— Не знаю. Мне все равно, — равнодушно произнесла Нина. — И тебе должно быть все равно. Но вообще... — она оглянулась на Алекса, и произнесла, тоже шепотом, нечто неожиданное: — Мне кажется, из Лены и Алекса могла бы получиться неплохая пара.

— Ты думаешь? — недоверчиво спросила я.

— Да. Мой опыт подсказывает. И именно поэтому Алекса никуда не отправляют. Он равнодушен к Лене. И Лена равнодушна к Алексу, и именно потому она одна до сих пор.

Я задумалась. В первый раз испытала сочувствие к Алексу. Пробормотала смятенно:

— Может быть, может быть...

— Ты куда-то собиралась?

— Да с Диной прогуляться если...

— Вот и иди, — строго сказала Нина. — Нечего мне в рот смотреть, я ведь так и подавиться могу.

— А я сбегая за каталкой, отвезу тебя в Медикал, и там тебя спасет Истина.

— Ой, балаболка... Иди, иди, не мешай мне думать о вечном! — подтолкнула меня Нина.

Я прижалась щекой к ее плечу, затем вышла из Столовой. В Лабиринте немного застряла, пытаюсь подобрать мелодию,

потом услышала, что кто-то идет за мной, а сильно толпиться тут не полагалось.

Я вышла на улицу, остановилась, огляделась.

Следом из Лабиринта выскочил Алекс. Не поленился, выработал свою долю электричества... Неужели это замечание Лены на него так подействовало?

– Пока, Рита, – махнул он мне рукой, направляясь в сторону.

– Пока, Алекс, – ответила я, подумав в этот момент – а как я на самом деле отношусь к этому мужчине?

И тут Око на моей ладони зачесалось. Опять Ники решил меня вызвать?

Но нет. На экране было изображено сердечко желтого цвета. «Что это? – с недоумением подумала я. – Такого значка я еще не видела».

Я провела другой рукой над Оком, мозг расшифровал мой вопрос – что это? – мгновенно. Потому что на экране возникла надпись: «совместимость в паре – 13 %», и лицо Алекса рядом.

– Алекс! Стой! – я побежала за ним.

Алекс остановился, посмотрел на меня как-то недовольно.

– Ну что еще?

Я показала ему свою ладонь с Оком. И этой надписью про 13 %.

– А... понятно, поздравляю, – равнодушно ответил он.

– Ты о чем?

– О том, что мы никогда не станем с тобой любовниками, вот о чем. 13 % – очень невысокая совместимость.

И тут только я поняла, что сейчас случилось.

Я стала взрослой.

Сегодня передо мной открылись новые возможности. Какие? Да даже не сообразишь сразу...

– Алекс!

– Что?

– И так теперь всегда будет? Со всеми встречными мужчинами?

– Всегда, пока ты ищешь себе любимого... и каждый раз пытаешься определить свою совместимость с кем-то. Вот что за жизнь, все на этом помешаны... Стать парой, любовь, дети... – он сморщил лицо. – Объясни мне, Рита, в чем прелесть семьи, в наше-то время?

Кажется, Алекс решил затеять очередную пустопорожнюю дискуссию. Меня это не устраивало, поэтому я, в свою очередь, набралась наглости, и сама спросила его:

– Да ничего я не ищу, на самом деле. Просто пока не научилась с этой новой функцией управляться... Алекс! Алекс, а с Леной у тебя – сколько процентов совпадения?

Алекс явно растерялся. Потом сказал:

– Какая разница. Я тоже не собираюсь – ни с Леной, ни еще с кем-то – строить семейные отношения.

– Ты не ответил. Сколько у вас с ней процентов совмести-

мости? – не думала отлипнуть от него я. А что, пусть знает, как приставать к другим с пустой болтовней!

– Прилично, – вдруг ответил он серьезно. – Уж не 13 %, как у нас с тобой. Мы ходили когда-то с Леной к Ловемату.

– Да-а?!

– Ну так, ради любопытства. Ругались-ругались, спорили, потом пошли... Нет, не для того, чтобы стать парой, я тебя умоляю... Просто ради прикола, говорю. Я был уверен, что Истина устроит сейчас эту дешевую свистопляску с огоньками и музыкой: типа, Лена и Алекс, теперь вы готовы к совместной жизни и всяким там проявлениям любви, уси-пуси, ля-ля-ля... Истина снимет с нас все эти гормональные ограничения, откроет нам либидо, и мы с Леной займемся сексом... Нет, ну правда, я хотел бы узнать, что это такое – секс, я ж никогда...

– Ты серьезно? – вытаращила я глаза. – У тебя никогда не было отношений с женщинами?

– Никогда, – грубо ответил он. – И не вздумай кому-то рассказать об этом. Хотя, нет, болтай себе на здоровье, мне плевать, что люди скажут, да они и не скажут ничего, никому дела нет... Но раз ты стала взрослой, я хочу открыть тебе глаза на жизнь.

– А почему Истина не позволила вам с Леной стать парой?

– Я ж говорю – совместимость большая, да, но буквально чуть-чуть, все же, не хватило. Пары процентов. Истина предложила мне пройти тесты.

– Это нормально... Так ты прошел их?

– Вот еще, – с яростью ответил Алекс. – Это вообще бред все. Получать согласие от какой-то дурацкой программы – на любовь, или там, на дружбу, усыновление... Кто она, что она, эта Истина? Разве она имеет право командовать мной? Вот ты, ты – ходила когда-нибудь к этому пошлому Ловемату?

– Да. С Ниной когда-то. Так она стала моей воспитательницей. С Диной мы тоже проверяли свою совместимость на приятельские отношения. Очень трогательно было, когда Истина подтвердила нашу дружбу...

– А что, без благословения Истины ты не стала бы дружить с Диной? Это же все полная ерунда. Нина и так бы стала о тебе заботиться, с Диной вы точно так же трепались бы в Столовой, и шлялись бы по району...

– Если бы Истина не признала Нину моей воспитательницей, нас бы не поселили с ней рядом. Ну, а то что Истина подтвердила нашу с Диной дружбу, то это сильно облегчило жизнь мне, и Дине... Я теперь знаю, что нам с ней можно общаться спокойно, и не бояться, что кто-нибудь из нас способен интриговать, говорить гадости за спиной, и все такое прочее... Вспомни, раньше люди только и делали, что предавали друг друга, а потом страдали от этого годами, иногда до самой смерти. А теперь человек точно знает, что вот, данный друг, одобренный Истиной – его не предаст, не воткнет, образно говоря, ему нож в спину. Нет, ссор и выяснения отношений тоже невозможно избежать, но от них за-

то, в данных отношениях, не испытываешь мучительную боль. Вот почему так, с одним человеком поговоришь о пустяках, и потом не по себе, буквально раздражение в душе... А с другим поцапаешься по серьезному вопросу – и ничего, все нормально... Легко и ясно. Ни обид, ни придинок! Поэтому проще общаться с теми, кого одобрила Истина: не надо годами проверять дружбу, не надо проходить жестокие испытания...

– Вот именно – не надо думать! – оборвал меня Алекс.

– Да, не надо думать, – согласилась я. – То есть, не надо тратить время на какую-то фигню, на сомнения. Все легко и ясно, – повторила я, точно заклинание. – Я не трачу годы на неподходящего мне человека, я сразу знаю – возможен между мной и еще кем-то контакт, или нет. Существует у нас психологическая совместимость, или нет.

Алекс смотрел на меня, поджав губы. Потом произнес:

– Да, ты точно повзрослела, Рита... рассуждаешь, как твоя Нина. Ладно, про дружбу и усыновление – я соглашусь, тут очень важна совместимость. Про создание семьи – тоже соглашусь, неохота связываться всерьез и надолго с человеком, которого можешь разлюбить, или он – тебя... Детей надо тоже заводить с умом, уж лучше, чтобы у ребенка были хорошие, любящие родители. Но либидо-то зачем отняли, зачем отняли у людей саму эту возможность, просто так заниматься сексом?

– Да потому что уже никто и не хотел им заниматься,

вспомни, – нашлась я. – Ты в Мемори-то загляни, что там раньше-то творилось на Земле. Люди превратились в одиночек, которым и на дружбу, и на любовь, и на секс, и на семью, и на то, чтобы детей родить – было уже глубоко плевать. Все страдали и страдали, из-за любой мелочи. Сидели в этих самых, как их... социальных сетях, и изливали друг на друга свои страдания, и ругались еще. Человечество с какого-то момента просто стало вымирать! Это был мир несчастных одиночек. Или тех ненормальных, которые пытались взять любовь силой, на один раз... А теперь – все только и думают о том, как найти друга, найти пару, завести детей. Потому что запретный плод сладок!

– Да, сейчас мы семимильными шагами идем к прогрессу... – пробормотал Алекс. Он после моих речей как-то сдулся, потерял запал, ему, видимо, уже расхотелось со мной спорить.

– Конечно. Мы, люди, стали счастливыми, – убежденно произнесла я. – В нас больше нет страха (кроме страха перед инфлюэнцей, конечно), у нас появились желания и цели... Ты читал старые книги?

– Старые книги?

– Не читал, – констатировала я. И добавила с гордостью: – А я – читала. И я в шоке, признаюсь, от литературы прошлого, от этого искусства так называемого. Например, «Ромео и Джульетта», главная книга человечества. Просто кошмар! Все герои убили...

– Люди раньше могли плакать и смеяться, – с тоской произнес Алекс.

– И сейчас могут. Когда есть действительно повод, а не гормоны там у них, разыгрались, или они всяких дел наворотили, и теперь сами от себя в истерическом шоке. Ты не забывай, люди раньше на эмоциональных качелях качались, у всех была расшатана психика.

– Какая ты нудная, Рита. Ладно, не станем продолжать этот разговор.

Я заставила себя наклонить голову в знак согласия, и направилась прочь. Усилием воли прекратила спор. Хотя, непонятно, зачем я в него вообще ввязалась... Но это все Алекс! С другой стороны, Алекс ни при чем, сегодня это я, именно я затеяла дискуссию... И чем я тогда лучше него? Такая же нудная спорщица, оказывается. И как права Истина, она права, как всегда! 13 %...

Надо найти Дину, с Диной легко. Хотя, нет, лучше заняться делами на благо общества.

Я направилась к Тренажерной. Это была довольно большая площадка под открытым небом, где располагались различные тренажеры. Если раньше подобные устройства служили для развития мышц, для спорта и еще чего-то там (уже не помню, но уточнять в Мемори не полезу, зачем, конкретно спорт – меня не интересует), то теперь с помощью тренажеров также вырабатывалось дополнительное электричество. Не требовалось прилагать какие-то особых усилий, от

которых потом шел градом пот, и вздувались мышцы, нагрузка нынче являлась для каждого посильной и приятной.

Всякое движение должно иметь смысл. Нажимаешь кнопку – идет электричество. Идешь в Столовую через Лабиринт – вырабатываешь электричество. Находишься дома в Камере, двигаешься внутри нее – вырабатываешь электричество. Бегаешь на тренажере – вырабатываешь электричество. Катаешь ребенка на коляске – тоже самое...

Раньше люди *работали*, то есть, занимались чем-то странным, отчего на Земле росли горы мусора, усиливалось неравенство и угнетение человека человеком.

Теперь работать не надо было – в том, прежнем, значении слова... Основным занятием людей стало вырабатывание электричества в той или иной форме, любой, которая нравилась, и которая не вызывала отторжения. Соединение полезного и приятного. Уже никто не сомневался в том, надо или нет вырабатывать электричество: никому неохота сидеть в полутьме, или голодным, поскольку и кухня, как я уже упоминала, тоже целиком зависела от электричества.

Результат от подобных занятий виден сразу. Всем светло, все сыты. И здоровы!

Идеальный вариант труда.

И все равны, никто никого не угнетает, как в прежние времена. Да, встречаются иногда люди типа Алекса, вредноватые, которые порой пренебрегают своими общественными обязанностями... Но общей картины это не меняет. Да в об-

щем и от Алекса тоже есть польза, он любит целыми днями сидеть в Камере, а значит, тоже делает свой вклад в энергетику района.

...В Тренажерной занималось довольно много народу, Лена оккупировала один из ближайших ко мне – бежала, передвигая палки. Двигалась она бодро, ритмично переставляла сильные ноги, спина прямая, руки взад-вперед...

Я заняла соседний тренажер, такого же типа.

Лена меня не замечала. Значит, находилась в виртуальной реальности. В режиме так называемых тренажерных *Прогулок*. Компьютерный имплант в ее мозге транслировал изображение какой-нибудь подходящей картинки – в зрительные отделы ее головного мозга. В режиме Прогулок окружающий пейзаж был полностью смоделирован Истиной, под желание гуляющего.

Тогда я коснулась Ока на своей ладони: «Желаю попасть туда, где Лена. Если она не против, конечно!» (Иногда человек хочет побыть в одиночестве, тогда Истина никого не пускает в его фантазии).

Раз, и я погрузилась в иную реальность, в ту Прогулку, в которой сейчас находилась Лена. Это значило, что она ничего не имела против гостей в *своем* мире.

...Я мчалась на лыжах с горы, снег блестел передо мной, и единственное, что являлось не совсем правдоподобным – это то, что я почти не чувствовала холодного ветра на своих щеках. То есть, ветер «дул» мне в лицо, и вроде холодный (бла-

годаря компьютерному импланту в моей голове, заставлявшему меня поверить в то, чего нет на самом деле), но мешало жаркое солнце – то, что в обычной жизни, сейчас оно светило на меня сверху, грело. И эти два ощущения, накладываясь друг на друга, несколько диссонировали. Все же, ощущения в Камере гораздо более приближены к живой жизни, а на открытой тренажерной площадке абсолютное погружение в вирт невозможно.

Лена мчалась на лыжах рядом. Волосы ее развевались на ветру. Она повернула ко мне лицо, подмигнула.

– Привет! Наперегонки, а? – крикнула она мне.

– Давай!

Снежный склон уходил вниз, иногда лыжня виляла между деревьев. Мы катались так довольно долго, потом у меня зачесалась левая ладонь. Я взглянула на Око: картинка из двух скрещенных рук – хватит. Оно и понятно, пора передохнуть. Лене тоже пришел сигнал от Истины, она начала тормозить.

Я провела ладонью правой руки над Оком, и вновь оказалась в этой реальности. Лена – за мной, она внимательно смотрела на меня, и двигалась на своем тренажере едва-едва – снизила нагрузку.

– Рита, у тебя такая ошарашенная мордочка... Ты что?

– Лена, поздравь меня. Я теперь взрослый человек, – не выдержала, торжественно произнесла я.

– Что? Не может быть... надо же! Поздравляю, Рита. Все уже в курсе?

– Нет, только Алекс знает.

Лена издала звук – «пфф».

– Алекс мне рассказал, что вы с ним ходили когда-то к Ловемату, – выпалила я.

– Трепло твой Алекс! – с раздражением произнесла Лена.

– Мы с Ниной считаем, что он тебя любит.

– Да кому какое дело... – Лена едва не захлебнулась от возмущения. – И вообще. С чего вы взяли, что он меня любит? Любил бы, так согласился бы пройти тесты. Но нет, он отказался их проходить. Он отказался, ты представляешь?!

– А ты?

– А мне не предлагали никаких тестов, вся проблема в нем! Он не захотел, да и пожалуйста.

– Я этот момент не очень поняла, – подумав, призналась я. – Он упомянул о тестах, но что сам отказался от них – не сказал... «Я не прошел тесты», и «Я не стал проходить тесты» – это ведь разные вещи, да?

– Он упрямец.

– Тогда ты – почему одна?

– Рита, ты не имеешь право приставать ко мне с этими вопросами! Ты взрослая с сегодняшнего дня, да? Так вот, не будь ребенком – не лезь в чужие дела.

– Не сердись. Я просто пытаюсь понять... Получается, все равно нет в жизни счастья, что ли? – спросила я.

– А разве я несчастна, или Алекс? – опять возмутилась Лена. – Мы были бы несчастными, если бы сошлись... Сей-

час это невозможно, но представь: мы в каком-нибудь другом мире, или в прошлом. Истины нет, про совместимость не особо понятно, и мы с Алексом вместе. Мы – пара. Сошлись. И начинаем ругаться с утра до вечера, и все на нервах, и ни одно совместное дело у нас не получается... Представила? Вот что было бы, если мы с ним стали парой, и жили бы вместе – просто так, даже не поработав над собой, не подготовив себя к этим отношениям.

– Зато у вас был бы секс, – с видом знатока произнесла я.

– Рита, нет, ты все еще ребенок, что ты об этом знаешь... У меня был муж когда-то, и мы с ним любили друг друга, и сын у нас родился, и мы с мужем заботились о нем... Я знаю, что такое секс, я им занималась, и сколько лет это делала, пока мой муж не умер от инфлюэнцы... Секс приносит настоящую радость, только когда двое любят друг друга.

– Алекс говорит, что это совершенно отдельное понятие, и Истина могла бы и не выключать либидо...

– А ты Алекса не слушай. Может, оно и легче бы кому стало, а кому-то – тяжелее во сто крат.

– Значит, ты довольна, что твоей жизнью управляет Истина? – спросила я.

Лена вдруг улыбнулась, вся ее злость куда-то исчезла.

– Да, я довольна, – задумчиво произнесла она. – Что моей жизнью управляет она, как некий высший разум, а не мои гормоны – толкают меня на необдуманные поступки, – она помолчала, а потом неожиданно сменила тему: – Я хочу

уехать отсюда. Хочу к морю. Ты была на море?

— Когда-то давно, в совсем раннем детстве, мы с родителями прожили там какое-то время... Только я ничего не помню.

— Море прекрасно. Раньше все всё время переезжали. Почему-то раньше не существовало таких жестких ограничений из-за инфлюэнцы. То есть, были регулярные карантины по приезду, ограничения... А сейчас словно что-то сломалось. Когда я стала взрослой, мир замер. А раньше, да... Какое-то непрерывное движение все время происходило.

— И в твоём детстве?

— Да, и в моем, — согласилась Лена. — Бабушка рассказывала, что в её детстве вообще творилось что-то невероятное, люди регулярно переселялись. И это все делалось для того, чтобы мир пришел к некоему единообразию. Спланированная ротация... В результате люди стали одинаковыми. Нет наций, нет различий по цвету кожи.

— Я знаю, — кивнула я. — Видела, в Мемори. Прежде люди были — темнокожие, светлокожие, с разным разрезом глаз... Забавно.

— Ничего себе, забавно, сколько бед порой возникало из-за этих различий! — воскликнула Лена.

— Разные страны, разные языки! — подхватила я. — Непонимание... Так ты тоже любитель истории?

— Да... Немного. Теперь нам, людям, не из-за чего стало ссориться и воевать. Стран нет, государств нет. Раньше одна

страна на другую могла до смерти обидеться, и затеять с ней войну! А сейчас смысл обижаться, если стран вообще *нет*, и твои предки, они жили *везде*, их ни к одной нации не причислишь, ни к одной стране... А, и городов тоже теперь нет! Нет столиц и провинций. Все по районам и номерам. Кодировка. Район номер один, два, три, тридцать три... Как одна цифра может обидится на другую цифру? Так что теперь всем спокойно живется. Язык – один на всю Землю, все друг друга прекрасно понимают, переводчики не нужны, – она помолчала. – Только вот с переездами в последнее время, повторю, стало сложнее. Хотя переезд дело хлопотное и дорогое, сейчас, наверное, уже нет смысла метаться с места на место, как раньше. Да, и богатых и бедных тоже нет теперь. Истина стерла все различия между людьми; поводов придирааться, затевать революции и войны – больше не существует. Думаю, мы достигли вершины развития, – она сделала очередную паузу. – Но я перееду отсюда, обязательно. Отдохнула? Ну-ка, давай, еще погнали... – Лена опять принялась энергично двигаться на своем тренажере.

Мы с ней оказались все в том же зимнем лесу, мы мчались на лыжах по склону.

– Раз ты теперь взрослая, ты можешь сделать Хистори! – крикнула мне Лена, лавируя среди заснеженных деревьев, вместо листьев у которых – колючки.

– Что? А... Это. Скукота. Тоже мне, сокровище... Я все детство лепила эти истории, из серии «как я провела день», –

с насмешкой произнесла я. – А Хистори, насколько я понимаю, тоже самое, но только для взрослых.

– Ты не понимаешь! Хистори – это другой уровень!

...После посещения Тренажерной я решила не искать Дину, а отправилась к себе. Сбросила сабо у входа в дом, где стояли еще другие (Истина напомним, где твои, а где нет – на этот, конкретный день), босиком побежала по лестнице вверх. «Ты воображуля, – сказала я себе. – Наврала Лене, что Хистори тебе безразлична, а на самом деле, ты мечтала до нее дорваться! И дня не прошло, как стала взрослой, и сразу же за Хистори решила взяться, вот как только тебе о ней напомним!».

...Дома я сначала заглянула в туалетную комнату, а потом сразу же полезла в свою Камеру. Натянула на себя специальный костюм, с системой подвесов. Шарообразная форма Камеры позволяла человеку, находящемуся внутри, совершать любые движения. Можно было, оставаясь на одном месте – идти, бежать, переворачиваться, карабкаться вверх, падать в глубину. Плыть и лететь.

А еще испытывать ощущения, идентичные реальным. Чувствовались, как «живые» – запахи, температура (жар или холод), морские брызги на щеках, или снег на ресницах...

Сама по себе Камера – это просто шар, в котором висит человек на веревках. В полутьме. Вокруг скучные серо-бежевые стены. Но стоит коснуться Ока, и изображение из компьютерного импланта в голове – передается в зрительные от-

дела головного мозга. И человек обнаруживает, что он вдруг оказался внутри дивного нового мира.

Причем, пока человек барахтается внутри Камеры, он еще и электричество вырабатывает своим движением...

Я в Камере, словно от первого лица, принялась смотреть настоящие, взрослые Хистори. Те, что Истина считала самыми лучшими, и другие, те, что Истина советовала именно мне. Впервые Истина дала мне возможность заглянуть в мир взрослых.

Но я немного разочаровалась, получив доступ к «настоящим» Хистори. Оказалось, тут все действительно просто, как и с заданиями в детстве. Из серии – расскажи, как прошел твой день, или целый кусок жизни...

Взрослые, чтобы создать Хистори, тоже брали из Мемори самые интересные, красивые и значимые эпизоды своей биографии, и компоновали их под музыку, иногда с текстом, иногда без. Или просто голос за кадром пускали. Получался короткий фильм, вернее, ролик, дающий полное представление о жизни данного человека.

А потом этот ролик мог посмотреть любой желающий. И это порой, интересно, когда получаешь возможность влезть в «шкуру» другого человека, увидеть мир его глазами. Сам становишься, пусть и на короткое время – другим. Это расширяет сознание, помогает понимать окружающих.

Типа того, как раньше люди, которые писали книги, или там снимали фильмы, словом, сочиняли всякие истории для

развлечения общества – тоже как бы показывали этот мир *других*...

Но в книгах и фильмах прошлого говорилось, в основном, о губительной власти страстей, о невозможности предотвратить беду, о людских мучениях и страданиях. Как кто-то чего-то (или кого-то) не понял, и потому наворотил дел, после которых остались лишь смерть и разрушения, и вдруг, стоя на руинах, осознал – а не надо было так делать. То есть, раньше человеку, чтобы измениться и познать истину, приходилось сделать кучу ошибок, и лишь потом, он вдруг, с изрядным опозданием, постигал смысл сущего...

Только вот зачем нам, теперешним людям, погружаться в проблемы прошлого? Чтобы что? Только посочувствовать если. Бедняги, эти наши предки, как они жили раньше, во власти своих страстей, угнетая друг друга...

Опыту от них набраться? А зачем сегодня нужен опыт, если уже есть Истина, которая не позволит наделать ошибок!

Искусство осталось в прошлом потому, что исчезли проблемы прошлого.

А почувствовать жизнь других теперь можно через Хистори.

Нет, понятно, что в Хистори много от искусства прошлого, и искусство прошлого – это тоже своего рода Хистори, тех людей, что жили раньше. Истории, сделанные либо хорошо, душевно, либо – так себе. Ведь и сейчас некоторые Хистори популярны больше, чем другие... А иные и вовсе никакого

отклика не вызывают... Одно время, да, сама наблюдала, когда взрослые вокруг очень спорили про связь Хистори с искусством, и не есть ли это возрождение искусства – когда все бросились сочинять про себя истории?...

Хотя Истина считала ненужными и вредными споры между людьми. Типа, споры вызывают раскол в обществе и эмоционально дестабилизируют его.

Истина с самого начала считала опасным и ненужным – эмоциональное заражение. Насколько я знаю (из Мемори), помимо вирусов, человечество еще, оказывается, было сильно подвержено психическим эпидемиям. В очень далеком прошлом, в периоде, названным Средневековьем – существовали такие явления как, например, кликушество, самобичевание, одержимость бесами... Люди начинали массово танцевать, икать, падать в обмороки, и прочее.

Или в другие эпохи что еще было. Какой-нибудь авторитетный человек, умеющий хорошо и убедительно говорить, полностью подчинял своему влиянию толпу... И стремительно развязывались войны, революции, репрессии. То есть, эмоциональное заражение вызывало порой мировые катастрофы.

Толпа, охваченная истерией, вела себя даже глупее, чем психически неуравновешенный индивид; вполне разумный человек легко терял в этой толпе рассудок...

Изучение истории человечества являлось моим давним хобби. Хотя, конечно, всю историю не перелопатишь. Рань-

ше дети в школах штудировали ее особо скрупулезно. Сейчас же это не представлялось возможным, подробно изучить всё. Так что я ориентировалась по эпохам в основном: древние времена, Средневековье, новое время, новейшее время – то есть, та эпоха, что была перед тем, как миром стала править Истина...

Так вот, перед Истиной, насколько я поняла, были популярны эти самые социальные сети. Собравшись гигантской толпой в сети, люди бурно обсуждали буквально каждое происшествие. Или какое-нибудь событие, порой не влияющее на общее течение жизни, но зато несущее в себе несправедливость... Начинали яростно спорить, и скоро конфликт раздувался просто до небес. Да, польза в этих обсуждениях тоже имелась: несправедливость, все же, в конце концов, побеждалась, но общество становилось в эмоциональном плане все нестабильнее, и теперь уже любое недоразумение вызывало бурю гнева у людей. Эмоциональное заражение возникало быстро, и охватывало все большие группы людей. Ну, а поскольку информация в то время стала очень доступной, то любое негативное событие в одной точке мира – вызывало взрыв возмущения всего мира.

Это был какой-то социально-психологический парадокс: жизнь становилась все более налаженной и спокойной (о чем свидетельствовала реальность), а психическое состояние людей, наоборот, ухудшалось. Мир совершенствовался, а человек становился все несчастней. Поводов для действитель-

ных, реальных переживаний все меньше, а страданий – все больше. Можно ли кормить женщине ребенка грудью – публично? Надевать ли на собак (домашних питомцев) специальное приспособление – намордник? Употреблять в пищу, или нет – некоторые виды продуктов?...

Люди непрерывно общались в сетях, обсуждая каждую мелочь вокруг, спорили, и тем самым еще сильнее разжигали огонь недовольства. Все стали недовольны буквально всем. Государством, местом жительства, образованием, медициной, детьми, родителями, противоположным полом, да и своим полом тоже...

Волны последовавших за тем эпидемий только подлили масла в огонь, обострили ситуацию, и без того накаленную.

Это было время, когда рушились связи между людьми, когда они запирались внутри своих жилищ, и отказывались от мира, от прежних, привычных ценностей. Люди нигде и ни с кем не находили счастья, именно в тот момент и началась основная убыль населения (плюс еще смертность от эпидемий надо учитывать). То есть, очередной парадокс того времени – до какого-то момента население росло, несмотря ни на что, и казалось даже, что Земле грозит демографическая катастрофа. Но этот эффект был вызван увеличившейся продолжительностью жизнью. Население-то росло, а рождаемость падала. С какого-то момента старшее поколение начало уходить из жизни, и вот тогда стало понятно, что планете грозит не перенаселение, а вымирание.

Депрессиями, кстати, тоже страдали почти все, поскольку это заболевание, с одной стороны, зависело от информационной нагрузки, а с другой стороны, было связано с малой физической активностью. Оно и понятно: люди сидели дома, обсуждали каждый чих в новостях, со стула не вставали...

Даже тогда, когда ситуация с вирусными заболеваниями немного пришла в норму, и появились вакцины, часть населения по привычке оставались сидеть дома, и страдала, обмениваясь жалобами, обсуждая каждое новое происшествие...

Истина прервала этот поток страданий. С ее приходом вступило в силу «правило семи человек». Это когда спорящих не должно собираться вместе больше семи, что в вирте, что в реале.

Почему именно семи? Да потому что после этой цифры начиналось то самое эмоциональное заражение, которое потом трудно остановить.

«Правило семи» действовало до сих пор.

Если собиралось больше семи человек, то тогда общий разговор сразу же начинал прослушиваться Истиной, и, если вспыхивал спор, давалось предупреждение – Око у всех показывало восклицательный знак. Типа, прекратите. Расходитесь. Если собравшиеся не успокаивались, и продолжали спорить, то им рекомендовали пройти к Медикалу на укол.

Алекс, например, ужасно злился, что спорить про Хистори нельзя... Вернее, можно, но только в узком кругу. Он,

верно, мечтал о размахе, о вселенском скандале.

Помню, как-то Алекс и Лена сцепились языками в Столовой, на тему, какой должна быть «правильная» Хистори, потом к ним подошли Лара с Дэном (у них имелось свое мнение по этому вопросу), затем подключилась еще одна пара, из соседнего дома. Потом еще кто-то подошел, со своим веским мнением. За количеством спорящих что-то никто не проследил...

Мы с Ниной, до того просто слушавшие этот спор, подошли ближе, и тоже втянулись в него (даже я что-то, помню, ляпнула; я, которая по возрасту понятия не имела о Хистори!), и – все. Истина немедленно напомнила нам, что надо разойтись. Спорщики посмотрели на свои ладони, где горели восклицательные знаки, и разошлись, а что еще оставалось делать...

«Правило семи» не действовало только в Клубах (о них позже), но это потому, что в Клубах собирались единомышленники, и они не спорили, а *общались*. Тут Истина давала послабление, хотя в Клубах Истина прослушивала *все* разговоры.

...Короче, мои папа с мамой не сделали Хистори. Не успели. А так, наверное, было бы здорово смотреть сейчас эту Хистори мне, их дочери. Я бы, наверное, больше бы понимала своих родителей, и мне как-то легче было бы, что ли. Вот вроде как они зафиксировали все самое важное о себе, специально для меня. Это был бы их привет из прошлого – мне;

их любовь, пойманная и спрятанная в волшебную коробочку. Открой – и увидишь, и прикоснешься, и станет теплей.

А так... Конечно, в Мемори хранилась куча всяких записей о прошлом, полно видео с папой и мамой, *вся* их жизнь целиком и полностью там, в анналах вечности, но это же надо погрузиться во все это, разобраться, отсортировать. И главное, уже не поймешь, что мама с папой считали важным, а что нет.

...Короче, больше всего из просмотренного сейчас в Камере, мне понравилась Хистори одной женщины.

Дело в том, что каждый представляет свою жизнь в виде какой-либо метафоры. Тут кто во что горазд, как чувствуешь, так и делай. И вот эта женщина вообразила свою жизнь в виде горной реки. Героиня (и я, иногда, словно внутри нее оказывалась, на ее месте, поскольку изображение велось то со стороны, то ее глазами), двигалась против течения этой реки – мелкой, холодной, судя по всему, и довольно неприятной. Так вот, женщина все шла и шла вверх, по камням. Преодолевая напор воды. Там и ветер с ног ее сбивал, и всякие образы по берегам возникали перед ней (люди, события), женщина (и я вместе с ней) то останавливалась, то делала шаг назад, то опять двигалась вперед и вверх, а под конец ей стало совсем трудно...

И, наконец, финал этой Хистори. Женщина (и как будто я с ней) оказывалась на вершине горы, все-таки добиралась до истока реки. И обнаруживала, что вокруг панорама удиви-

тельной красоты: другие горы, низины, а там дома, они сверкают окнами, на горизонте же – молнии играют. Словом, все вокруг блестит, мерцает и переливается, и света все больше, и фигура женщины в нем словно растворяется, и сама превращается в свет, в искорку на боку капли воды – росинки, а росинка это висит на кончике травы, и вокруг смутными силуэтами какие – то тени, люди...

Женщина показала, что она часть этого прекрасного мира. Как и я, впрочем. И все это под лирическую музыку, текста за кадром вообще не прозвучало.

Ролик этот на данный момент являлся самым рейтинговым вообще, и наиболее подходящим – именно для меня.

Впечатление он на меня произвел сильное, единственный из прочих роликов, пожалуй. Я отчетливо поняла, что чувствовала та женщина, о чем она думала, что именно хотела сказать...

Я ознакомилась с еще весьма неплохими Хистори, то в виде полета, то подводного плавания, то передо мной расцветали дивные сады... Движение сменялось статикой. И я, вместе с создателями этих Хистори, тоже летала, плыла, замирала среди цветов... Красиво.

Я так увлеклась, что забыла об обеде. У меня защекотало ладонь – это пришло напоминание, наверное, но я не стала отвлекаться, и тогда Истина взялась за дело основательно, внизу передо мной, сбоку, вдруг всплыла картинка со зданием Столовой. Тут уже никуда не деться.

Я прикоснулась к Оку, и волшебные виды передо мной тотчас же исчезли. Я вновь оказалась в темном мешке Камеры. Система подвесов тоже замерла, я перестала крутиться вокруг своей оси. Топчась по мягкому полу, я стянула с себя костюм, выбралась наружу.

В спальне теперь все было озарено золотистыми сполохами, идущими от стен. Уютное такое освещение, успокаивающее.

Но опять же, почему именно это освещение, а не другое какое-то? Я раньше как-то особо не обращала внимания на подобные, ставшие давно привычными, мелочи, а с сегодняшнего утра вдруг задумалась.

Или вот как, например, Истина почувствовала, что я стала взрослой? Именно сегодня, а не в какой-то другой день, раньше или позже? И на чем она основывала свои решения? Что-то там в моем организме поменялось? Хотя да, она ж изучала всю меня, целиком, постоянно, с помощью этого крошечного компьютера, то есть, импланта, внедренного в меня.

Вот, кстати, не понимаю. Я – это я, Рита, или я – это «Рита + Истина»? А с учетом того, что все люди на Земле связаны с Истиной, то что тогда есть я? Может, и нет меня, как отдельной человеческой единицы?... Я – это «я + человечество»? Или я – это «я + Истина + человечество»?...

Я провела правой ладонью по мерцающей стене, огляделась, словно в первый раз увидев свою комнату.

Раньше, с древности, насколько я знала, люди очень за-
цикливались на интерьерах своих домов. Причудливая ме-
бель, разные безделушки, бытовая техника... Вот чем были
под завязку забиты квартиры. Куча ресурсов шла на созда-
ние подобной ерунды, а затем все эти вещи просто выкиды-
вали в мусор: либо какая-то вещь ломалась, либо станови-
лась немодной, и человеку хотелось чего-то новенького...

Люди буквально на помойке тогда жили. И приобретая но-
вые вещи, человек, получается, не богател, а становится бед-
ным. Потому что терял свои главные сокровища – чистые
воздух, землю и воду.

Теперь в комнате современного человека ничего лишне-
го. Кровать, и все. А, и люки эти в стенах, для одежды, для
одеяла, мелкий лючок у изголовья кровати – оттуда можно
взять жвачку, освежиться (чистка зубов теперь не требовала
специальных приспособлений), и еще один люк – там запас
пищи и воды в специальной упаковке. Просто так этот люк
не открыть, это возможно только во время карантина, когда
сидят все по домам.

И больше в комнате современного человека, в моей ком-
нате, то есть, ничего не было. Потому что незачем, не для
чего. Нет вещей, которые надо где-то хранить, расставлять
по полочкам. Нет домашней техники, потому что она и так
уже встроена в дом.

И да, на голые стены тоже неприятно смотреть, тоска на-
чинается, пусть это и экономно, и полезно для природы, по-

тому что сохраняет ее ресурсы... Но, оказывается, постоянно меняющееся освещение прекрасно решало эту проблему. Интерьер можно поменять, не забивая комнаты вещами.

Ладно, это понятно. Непонятно, повторю, теперь другое: вот откуда Истина знала, именно про меня, про мое настроение сейчас? Поскольку мне было хорошо и уютно сейчас, именно в этом освещении... Она мониторила уровень гормонов в моей крови? Но это же все настолько неуловимо, мимолетно... Наверное, и правда, искусственный интеллект невозможно постичь.

Так, обед. Пора на обед...

Я покинула свою комнату, спустилась вниз.

На первом этаже, у гардеробной, столкнулась с Дэном и Ларой, семейной парой, живущей напротив меня.

Они возились с накидками, служившими защитой от холода, темно-рыжего цвета, бесформенными и мягкими, напоминающими одеяла. Дэн и Лара трясли эти накидки, перебрасывали друг другу.

Я посмотрела на свое Око, на нем выскочило схематичное изображение этой самой накидки. И мне Истина тоже советовала одеться, прежде чем выйти на улицу.

– Что, похолодало? – с огорчением спросила я.

– То и дело погода меняется, – недовольно произнесла Лара. – У этой рукава длинные, возьми себе, Дэн.

– Это и есть моя, я ее уже растянул. А вот это твоя, – он заботливо положил накидку на плечи жены.

– Какая гадость. И воняет чем-то? – капризно произнесла она.

– Ничем не пахнет, не придумывай.

Я подошла к гардеробной, провела рукой перед считывающим устройством, где-то в глубине загудело, заворчал, запахнулась дверца, а за ней – очередная накидка.

Я сняла ее с вешалки, вошла в накидку, натянула глубокий капюшон на голову.

– Ничего не понятно, – сказала Лара, видимо, продолжая давно начатый разговор с мужем. – Как жить вообще...

– Я помогу тебе, – ласково произнес Дэн, и потрепал ее по волосам.

– А что не так? – не выдержала, спросила я.

– Я хочу знать, что ждет меня в ближайшем времени, я хочу планировать свое будущее...

– Зачем, дорогая? Будущего нет. И это хорошо.

– Нет, Дэн, это плохо, – огрызнулась Лара. – Вот что сейчас за сезон, Рита, ты в курсе? – обратилась она ко мне.

– Не знаю, – честно ответила я. – Ты про календарь, что ли? Какая разница, все равно погода перестала отражать сезоны, и давно... Никто уже не следит за этим.

– Ни сезонов, ни месяцев, ни лет... Ни дней недели, ни праздников.

– А зачем? Если холодно, то Истина напомнит тебе надеть накидку, если какой-нибудь шторм разразится, тоже предупредит. Хотя я не помню, чтобы в наших краях случались

шторы, – заметила я.

– Что ты можешь помнить, ты же ребенок еще... Колючая, – пожаловалась Лара на накидку. – Я так не могу. Выкину ее где-нибудь там, на улице.

– Ты что?! – испугалась я. – Помнишь, когда-то, кто-то – потерял накидку, и сигнал гудел... Везде, у всех, долго. Всем районом тогда накидку искали! А потом нашли, вроде, да? ... И вообще, я уже считаюсь взрослой, – добавила я многозначительно.

– Я думаю, тогда произошла какая-то ошибка. Сбой! – с сомнением покачал головой Дэн. – Ну не может она потеряться, эта дурацкая колючая тряпка. Такая большая и такого заметного цвета. К тому же, у нас все всегда под контролем – кто взял, кто вернул...

– Да, загадка, – согласилась я. – Кхе-кхе... И я уже взрослая, говорю.

– Если Истина ошиблась в этом вопросе, если она не в силах проследить за какой-то тряпкой, то программа – может ошибаться во всем, – усмехнулась Лара, и прошла мимо меня.

Да! От нее чем-то пахло, именно от Лары, а не от той накидки, что на ней. Запах накидки я знаю – такой горьковатый, дымный немного, наверное, это запах дезинфицирующего средства... Так что пахло сейчас именно от Лары. Чем-то таким... тошнотворным?

Но я не решилась об этом сказать, тем более Лара и Дэн –

меня словно не замечали. Они под ручку покинули помещение, и сквозь прозрачную дверь я увидела, как супруги надели сабо на крыльце, каждый – свои, а затем направились по крытой галерее к Столовой. Ветер трепал полы их накидок, и со спины, в капюшонах, Лара и Дэн ничем не отличались друг от друга.

Я уже тоже хотела выйти, как у меня защекотало левую ладонь. Я взглянула на Око – изображение Нины, Нина на картинке махала рукой, словно подзывая. Я немедленно бросилась к двери напротив.

Провела ладонью перед считывающим устройством на ней – дверь открылась.

Я вошла в квартиру. Нина сидела на кровати, беспомощно упираясь в нее обеими руками, и пыталась встать. Но у нее не очень-то получалось.

Око опять дало о себе знать. Я взглянула на свою ладонь, на ней появился значок кресла-каталки.

– Не вставай! Я сейчас, – сказала я Нине.

Метнулась обратно в гардеробную, провела ладонью перед очередным считывающим устройством... Распахнулась одна из дверей – за ней стояло кресло, в сложенном виде. Сразу перед глазами замельтешили нарисованные стрелочки – это Истина подсказывала, как правильно разложить кресло.

Я привела кресло в «боевую готовность», и с ним вернулась к Нине.

– Я помогу тебе... Теперь сюда пересаживайся... Я держу, держу!

Я помогла Нине сесть в кресло.

– Чего-то прилегла после завтрака, и устала, – пожаловалась она.

– Ничего-ничего! – бодро воскликнула я. – Сейчас отвезу тебя в Столовую... А, погоди, еще накидку тебе надо...

Спустя короткое время мы уже стояли на крыльце, Вернее, я стояла, а Нина сидела.

Дул холодный ветер. Низкие серые тучи.

– Где твои сабо? Эти? Ага, вот мои... Ты посмотри... – я провела рукой вокруг. – Вот откуда эти тучи? Утром же было тепло! – возмущенно произнесла я.

Покатила Нину вперед, по галерее.

– Зачем ты бежишь, Рита?

– Я не бегу.

– Нет, ты бежишь... – упрямо возразила она.

Я не стала спорить с Ниной, убавила шаг.

...Обедали мы с Ниной вдвоем. Я лишь издалека помахала Дине с Ники. Дина понимающе улыбнулась мне в ответ, а Ники стал посылать мне воздушные поцелуи.

– Славный парнишка, – заметила Нина, хлебая ложкой свою любимую малиновую бурду из тарелки.

– Очень, – горячо согласилась я. – О, смотри, сегодня помидорки еще подложили!

– Это тебе положили, а мне нет, – заметила Нина. – У

меня, верно, их организм уже не принимает.

– Хочешь одну?

– Не сходи с ума, Рита, – Нина отвела мою руку с помидоркой. – Так только хуже можно сделать. Нельзя так нельзя, к тому же я, признаюсь, не в восторге от этих помидор.

– Они же вкусные. Они живые! Это тебе не водоросли, которые мы едим каждый день...

– Какая разница, это все растения, – зевнула Нина.

– Ты меня позвала, я так рада, что могу помочь тебе, – положила я ей голову на плечо.

– В следующий раз я позову того, кто окажется ближе ко мне.

– Я всегда к тебе близко!

– Рита, я не могу напрягать одну тебя, это нехорошо.

– Ты меня совершенно не напрягаешь. Что у тебя там? – спросила я, потому что Нина в этот момент раскрыла свою левую ладонь.

– Ничего.

– Нет, я видела, тебя вызывают к Медикалу на укол. Я повезу тебя!

– Рита!

– Ты сиди, а я сейчас отнесу наши подносы, и вернусь.

У окошка, куда сдавали подносы с посудой, возникла небольшая очередь.

Я стояла с двумя подносами в руках, было очень неудобно их держать. Оглянулась, и увидела, как Нина водит дрожа-

щим пальцем по Оку на своей ладони. Потом она улыбнулась проходящему мимо Алексу. Тот мельком взглянул на свою левую ладонь, затем опустил руку. И удалился в сторону Лабиринта. Нина посмотрела ему вслед. Лицо у нее при этом выражало растерянность.

Наконец, очередь двинулась, и скоро я избавилась от подносов. Вернулась к Нине.

– Поехали?

– Да, – произнесла она удивленно.

– Ты вызвала Алекса, а он не подошел к тебе? – догадалась я.

– Я не вызывала Алекса, я дала сигнал, что мне нужна помощь ближайшего человека. Им оказался Алекс. Но он... не заметил сигнала от Истины, думаю.

– Наверно, – согласилась я.

Хотя... он же, определенно, видел вызов – «от Нины». Нина буквально перед ним сидела. Алекс получил сигнал от нее, но игнорировал его. И это странно, потому что у нас все помогают всем. Все, априори – волонтеры. Это же общеизвестно: если человек нуждается в помощи, то сигнал посылается тому, кто ближе всего, кто быстрее может прийти на помощь. Ну да, можно было вызвать себе в помощь и определенного человека, но – не каждый раз, Истина в этом случае начинала переправлять свои сигналы тем, кто еще не был задействован в помощи...

Алекс, получается, отказался помогать Нине. Почему?

Впрочем, какой смысл теперь копаться в голове Алекса...

Я укутала Нину в накидку, и повезла ее к Медикалу. Ветер немного утих, но было по-прежнему холодно.

«Нет, Истина все-таки несовершенна, – думала я, толкая перед собой коляску с Ниной. – Получается, добровольное волонтерство – вещь ненадежная. Помогать слабым и немощным – обязанность каждого, но что, если все люди, вот как Алекс сейчас, перестанут реагировать на призывы Истины? И тоже сделают вид, что не заметили сигнала о помощи от ближнего своего (или от Истины, хотя, Впрочем, какая разница, это одно и то же)? Тогда эти слабые и немощные – просто погибнут... Может, есть смысл вернуть специальные службы? Хотя, с другой стороны, если появятся эти службы, то зачем тогда волонтерство? Такие, как Алекс, и вовсе не захотят ничего делать для других».

Весь мир, вся жизнь современного человека были основаны именно на помощи одного человека другому. Любой, если, конечно, существовали на то веские причины, мог затребовать помощь у окружающих. Призвав либо друга, или там, мужа, жену и т. п., либо того, кто находился ближе к нему в данный момент. Соседа. Слишком уж эксплуатировать близких считалось не совсем приличным, поскольку нагрузка должна быть распределена равномерно, и лежать на всех членах общества. Помню обрывок чьего-то разговора: один мужчина то и дело призывал на помощь своего сына, но, с какого-то момента, сигнал о помощи стал приходить не

сыну, а другим людям, тем, кто тоже находился поблизости. То есть, Истина распорядилась вот так, перекинула заботу о немощном человеке – на всех окружающих.

Пожар тоже полагалось тушить всем миром (хотя, если честно, пожары внутри района на моей памяти не случались). Усмирять преступников? Да их просто не было, поскольку психика у всех в норме, агрессии не наблюдалось ни у кого, до ссор и смертельных обид дело никогда не доходило, Истина не допускала подобного, контролируя уровень гормонов в крови. Если адреналин начинал зашкаливать у кого-то – она направляла этого человека к Медикалу, чтобы он там получили укол успокоительного.

В принципе, это правильно – усмирять вражду в самом зачатке, хотя, повторю, Алекса, например, такое положение дел не устраивало. Он находил наслаждение в спорах, и поэтому довольно часто получал указание подойти к Медикалу.

Впрочем, чего я, про непогрешимость Истины... Она тоже иногда ошибалась. Я же забыла про Яна! Яна, живущего в доме по соседству.

Дело в том, что Ян – самый настоящий убийца. Ян когда-то голыми руками задушил свою жену. Задушил, как выяснилось потом, во внезапном, развившемся очень стремительно – приступе ревности.

Эта история, правда, произошла давно, еще в те времена, когда я была маленькой, причем не просто давно, а еще и не здесь, не у нас. Ян тогда, на момент своего преступления,

жил в другом районе. А у нас все это случайно открылось, кто-то рассказал о прошлом Яна...

Со стороны Ян на убийцу совсем не походил. Всегда такой тихий, спокойный, вежливый...

В отличие от Алекса, Ян активно участвовал в волонтерстве. Сразу бросался помогать тем, кто самостоятельно не мог справиться с какими-либо проблемами.

Но, раз Истина не стала его *стирать* после того убийства, значит, он ничем больше не угрожал обществу? Наверное, случайно тогда вышло, с его женой? Ну, и раскаялся он; говорят, это Истина тоже как-то это «считывала» с сознания человека.

Вот, кстати, после того, как у нас стало известно об этой истории с Яном, я и стала интересоваться всеми этими социальными делами – а как оно все было устроено *до* Истины в этом мире?...

В древнем мире, насколько я понимаю, Яна, за его преступление, наверное, *стерли* бы. То есть, убили бы. Казнили! Так тогда было принято – око за око. (Не Око, а око!). Потом, в период новейшей истории, Яна, возможно, посадили бы в специальное закрытое место для преступников, тюрьму. Или, еще вариант – Яна отпустили бы на свободу. Его, например, могли оправдать, поскольку раньше часто оправдывали мужчин-ревнивцев. Или, еще вот, специальные люди, юристы, могли придаться к тому, что что-то там, в юридических процедурах, было сделано неправильно, и потому

– придется человека отпустить (даже если он был виновен в преступлении).

Правда, замечу, через какое-то время все эти юристы и даром не нужны стали... Когда виновность человека начали определять отдельные программы, предшественники Истины. Которые анализировали весь спектр информации «вокруг» преступления, все возможные нюансы, в том числе и психологические, и на основании всего этого – выносили приговор, согласно существующему закону. Юристы, суды, заседания присяжных – все это тогда враз стало ненужным. Человеку после того, как он преступил закон, сразу приходило официальное сообщение – куда ему следует отправиться для свершения приговора. Не явился? Тогда дело за полицией, специальной службой, она хватала преступника, и сама отправляла его куда надо.

Позже пришло время Истины, и число преступлений вообще резко снизилось, почти до нуля. Вся судебная система прошлого оказалась и вовсе не нужна. Суд Истины свелся к очень простой формуле, известной еще в древности: где поставить запятую в выражении «казнить нельзя помиловать».

Истина «высчитывала» примерно следующее: раскаялся человек или нет, способен ли он повторить преступление или нет. Если не раскаялся (и не собирался этого делать), если не осознал своей вины (и осознание не смогло бы придти к нему позже), да он еще и легко мог вновь повторить подобное – тогда Истина его *стирала*. Вычеркивала из жизни.

Убивала, да. Тюрем-то нет, поскольку неразумно собирать в одном месте столько опасных людей! Еще и содержать их, тратить на них ресурсы, и все такое прочее.

Насколько я знаю, эта процедура, «стирание», в наше время, время Истины, то есть, происходила крайне редко. Истина просто не допускала преступлений. Лишь с Яном у нее произошла такая незадача.

Получается, Ян раскаялся и не собирался повторять подобное? Но мне все равно было не по себе, когда Ян время от времени проходил мимо меня.

...Мы с Ниной оказались у Медикала – небольшого полупрозрачного павильона белого цвета. Попасть внутрь Медикала мог не всякий. Только если случалось что-то серьезное.

В основном к Медикалу люди стягивались за уколами, а для этого не надо было заходить внутрь.

...Я придвинула кресло с Ниной поближе к внешней панели Медикала. Нина провела левой рукой перед считывающим устройством, затем я подняла накидку, закатала правый рукав у своей воспитательницы, и вытянула из панели гибкую трубку. Приложила конец трубки к плечу Нины. Миг, и короткий сигнал – «би-ип», значит, укол сделан. Я отпустила трубку, она сама втянулась внутрь. Я привела одежду Нину в порядок, покатила кресло к дому.

– Лучше? – с надеждой спросила я свою воспитательницу.

– Да, кажется. Такая слабость ощущалась, а сейчас вроде ничего, – не сразу ответила Нина.

– Ты еще долго будешь жить! – с энтузиазмом произнесла я.

– Я не хочу долго жить, – с недовольством возразила мне Нина. – Какой смысл... Я давно уже развалина, и мне не в радость подобное существование. Думаю, Истина прекрасно об этом знает. Она просто поддерживает меня, избавляет от совсем уж неприятных проявлений дряхлости... но, подозреваю, уже никакого лечения не ведет. Да и чего там лечить, Рита?!

– Я хочу, чтобы ты жила как можно дольше.

– Это ты хочешь, а я-то нет, – усмехнулась Нина.

– Почему не стали развивать исследования, которые позволили бы стать человеку бессмертным! – решила я не сдаваться.

– Потому что эти исследования слишком затратны, и они сильно снизили бы текущий уровень комфорта у уже живущих людей. Какой смысл искать бессмертие, если на него ухлопают кучу ресурсов, да еще и придется прозябать при этом. Уж лучше прожить более-менее приличную долгую жизнь, чем терпеть постоянные лишения по дороге к вечности... Да мы ж с тобой уже обсуждали это.

– Помню. И, все равно... Исследования по инфлюэнце – закрыли, теперь никаких вакцин не колют, только карантинны устраивают, по бессмертию тоже исследования прекратились, к звездам мы не полетим – о космосе вообще никто не вспоминает... – проворчала я. – Не жизнь, а сплошная эко-

номия.

— Рита, детка, я понимаю, что тебе жалко меня... — засмеялась Нина. Кажется, укол действительно помог ей — она уже с охотой разговаривала, с интересом смотрела по сторонам... Словом, она явно ожила. — Но мы сейчас живем ровно столько, сколько способны испытывать счастье и удовольствие от жизни. Не больше, и не меньше. Вот правда, я больше не вижу смысла в своей жизни. Я *хочу* умереть.

— Ну пожалуйста!

— Не затыкай мне рот, — строго сказала она голосом той, прежней Нины, которая воспитывала меня после смерти родителей. — Не решай *за* меня!

— Да знаю, знаю, я не права... — вздохнула я.

Я прикатила Нину к ней в комнату, она сама встала с коляски.

— Спасибо, детка. Иди, мне уж лучше.

Я поцеловала ее в щеку, затем вышла в подъезд, затолкала коляску в гардеробную.

За прозрачной дверью уже сияло солнце.

Повинуясь порыву, я вновь вышла из дома. Мне нестерпимо хотелось что-то сделать... совершить нечто такое, важное! Как так, я уже столько времени взрослая, с этого утра, а еще ничего не предприняла.

Раз о бессмертии нечего и мечтать, а инфлюэнца — может нагрянуть в любой момент, и лекарства от нее тоже нет, то — смысл тянуть с созданием Хистори?... Может, у меня впере-

ди всего лишь несколько дней жизни, так отчего же не оставить память о себе?

Раньше люди совершали научные открытия, или старались написать какой-нибудь особый текст, который бы потом захотели прочитать многие, или рисовали изощренные картины, и все такое прочее... Словом, делали все для того, чтобы оставить свое имя в памяти потомков.

А теперь ни ученые, ни люди искусства – даром никому не нужны. Потому что все, что можно – уже открыто, а что не открыто – то и не нужно. Искусство тоже потеряло свою власть над людьми. В том смысле, что оно превратилось в хобби для всех. Теперь любой мог нарисовать картину или вырубить из камня скульптуру. Пожалуйста, делай что хочешь, но – у себя в Камере, в виртуальной реальности... Ни камни теперь таскать не надо, ни рабочие инструменты делать – чтобы этот камень потом обтесывать, ни холсты с красками и кисточками не надо искать где-то... Настоящее искусство, то самое, какое было раньше, оно стало слишком разорительным для Земли удовольствием, да и кому оно теперь нужно... Это второй момент, кстати: кто бы у себя в доме стал вешать на стену настоящие холсты с пейзажами и портретами, или там, воздвигать в углу изделия из камня...

А убираться-то в комнате потом как, с нагромождением предметов искусства? В наше-то, безвакцинное время, когда инфлюэнца только и ждет того, как бы напасть на человека?!

Да даже то, что создано человеком сегодня в виртуаль-

ной реальности, и ничуть не загромождает окружающее пространство – оно тоже обществу не нужно. Конкретному человеку – да, нужно, ибо хобби, досуг, но обществу эти изделия сейчас зачем? Подбросить еще одну стопку «нетленок» на вершину и без того гигантской горы шедевров? Человек и прежние-то – не все запомнил, узнал, классифицировал, а ему еще новой информации подвалили! С какого-то момента человеческий мозг просто перестал воспринимать искусство, и получать от него наслаждение.

Нет, есть такие люди, которые до сих пор без искусства не могут, и их много, и они сидят в Камере у себя дома, погружившись в Мемори, и любуются шедеврами прошлого, и они знают про разные периоды в истории искусств и помнят имена многих известных деятелей культуры прошлого. Это тоже хобби у современных любителей прекрасного, их досуг. Они ходят по музеям прошлого в виртуальной реальности. Клуб у них всех есть, у этих любителей, где они собираются, и говорят об искусстве. Причем, стараясь при этом не впасть в ярость, иначе Истина отправит их на укол. А главные спорщики могут лишиться членства в Клубе.

Как я уже упоминала, этих Клубов (одни для детей, другие для взрослых) была сейчас масса...

Кроме Клуба Любителей Истории.

Истина с самого начала не собиралась его открывать, как я понимаю, из-за того, что яростные споры в нем – происходили бы неизбежно и регулярно. Потому что об истории

спорили всегда, во все времена.

Так что со своим хобби, со своей страстью к истории, я оставалась наедине. Я могла изучать ее, но я не могла обсудить свои изыскания с единомышленниками!

Зато других Клубов – полно, да, и самой разной направленности... Если сейчас кто в чем нуждался – в литературе, кинематографе, фотографии, и прочем – пожалуйста, объединяйся с себе подобными. Клуб Любителей Музыки, Клуб Любителей Пения – люди со всей Земли, те, кто испытывал интерес к вокалу, говорят, там собирались на виртуальных сценах, и устраивали концерты, и целые оперы пели...

Теперь для того, чтобы заниматься искусством, поклоняться ему, достаточно залезть в Камеру, и все.

Клубы объединяли людей, способствовали их социализации... А общение продлевало жизнь. Разумеется, то общение, которое не вызывало разногласий и яростных споров.

А, и еще я узнала из Мемори, что раньше предметы искусства стоили огромных денег, их специально приобретали богатые люди, создавали коллекции... Так вот, а сейчас-то откуда богатые возьмутся? Тем более что про эти самые деньги все забыли уже? Вот еще один момент, почему искусство «кончилось». Оно потеряло свою элитарность, оно теперь стало доступно всем, и лишилась ореола избранности.

Ладно. Наверное, в какой-нибудь Клуб, взрослый, я тоже потом вступлю, раз уж появилась возможность...

Но если я хочу увековечить память о себе, то мне надо,

в первую очередь, создать Хистори. Маленькую историю о себе самой, в символическом ключе.

«Если, например, представить себя в виде путешественницы во времени? – внезапно озарило меня. – В сущности, я о прошлом знаю больше, чем многие другие. Все детство из Мемори не вылезала. Вот если бы что-то такое, со сценками из древности, придумать!»

Я пошла по кольцевой улице, опоясывающей центр района. К этому моменту и ветер почти утих. Опять этот знакомый до мельчайших подробностей пейзаж, и однотипные дома вокруг. Абсолютно одинаковые, без каких бы то ни было архитектурных излишеств. А зачем строить роскошные здания, тратить, опять же, на них драгоценные земные ресурсы и людские силы?

Можно же войти в особый режим виртуальной реальности, который называется *Прогулки*, и отправиться в любую эпоху прошлого. Прямо на ходу, не меняя маршрута! Прямо сейчас! Как тогда на Тренажерах с Леной... Или вовсе погрузиться в фантастический мир (но мне не это сейчас требовалось)... И вот, пожалуйста, перед тобой – строения прошлого, сказочные замки, сложные многоэтажные конструкции. На их «постройку» не ушли деревья, камни, песок, глина и прочее... Над их чертежами не корпели архитекторы, им не посвятили многие часы и дни своей жизни рабочие-строители. Их не надо ремонтировать, делать сложную реконструкцию, поддерживать в них определенный порядок. Им не ну-

жен специальный уход.

Что хочешь можешь представить, хоть готику, хоть модерн, хоть хижину древнего человека, или там, сказочные замки, да что угодно!

...Я провела пальцами правой руки по Оку на ладони левой. Мое Око, или вернее, Истина через мое Око – сразу догадалась о том, что мне в данный момент требуется. Вернее, тому способствовала развитость иннервации между моим Оком и моим мозгом, то есть, компьютерным имплантом в нем, который, в свою очередь, был связан с Истиной. Эти нейронные связи, как я уже упоминала, формировалось с самого детства, но, все равно, я нередко вздрагивала, оказываясь в мире своих собственных фантазий. Надо же, оказывается, именно это я и *хотела* увидеть. Именно эти декорации – я и ждала.

Итак, я оказалась в той далекой эпохе, когда мир только родился. Туда я сейчас стремилась, а Истина послушно создала передо мной соответствующую картинку.

...В небе кружились вихри, свивались в единое целое и вновь разделялись. Вулканы в отдалении извергали снопы искр, сами собой поднимались горы земли вокруг...

Позже, у себя в Камере, я могу пересмотреть свои видения во время Прогулок, отредактировать их с помощью Истины, и смонтировать короткий фильм.

Прелесть таких Прогулок, не тренажерных, именно в том, что они – живые... Буквально. Они не связаны с Камерой.

Совсем уж в детстве, с друзьями, помнится, мы, войдя в режим Прогулок, вот так же бродили вместе по улицам своего района, вернее, по тем местам из давних эпох, которые сами себе выбирали.

Сейчас же я оказалась в далеком прошлом своей планеты.

Врезаться на прогулке в реальный дом или, например, в какую-нибудь общественную постройку – я не могла, поскольку в моей фантазии они тоже присутствовали, но уже в виде какого-нибудь материального объекта из моей придуманной темы – холма, или дерева... Столкнуться с кем-то из своих соседей по району, вот так, буквально лоб в лоб, чтобы искры потом из глаз полетели – я тоже не могла, поскольку и они в моем сознании трансформировались в какой-либо движущийся объект – в людей или существ из прошлого...

Или, например, я видела их в виде такого же персонажа, как и я, но это только если кто-то из прохожих был готов войти в мой мир. Тогда бы я встретилась с еще одним любителем Прогулок, и мы смогли бы поболтать, или пойти дальше вместе, взявшись за руки, чувствуя тепло друг друга – смешение вполне осязаемой реальности и фантазии...

Но, повторю, это было возможно лишь в том случае, если другой человек был готов переместиться именно в мою фантазию. Если нет, так и скользнул бы мимо, в костюме той, выбранной мной эпохи. И еще, если бы я была не прочь увидеть в мире своих фантазий – гостей. Если бы вдруг он, прохожий, мой сосед по району, решил бы обратиться ко мне

(а я – ни с кем не намерена встречаться), то Истина бы подала бы ему сигнал через его Око – не надо мешать, Рита в виртуальной реальности сейчас, и не хочет ни с кем контактировать. При возникновении очень срочного дела на моем Оке выскочила бы картинка – с лицом того, кто искал меня. И тут уж я бы сама решала, «выходить» мне в реальность из Прогулок, или нет.

Звуков извне я не слышала при погружении в виртуальную реальность, мои слуховые рецепторы блокировались, так что я слышала только то, что предлагала Истина – «озвучку» моих видений.

У меня в данный момент в ушах звучали скрежет и грохот, и завывания, сопровождающие «рождение» нового мира.

И как-то страшновато мне вдруг сейчас стало...

Да, в детстве я тоже играла во все эти игры с иной реальностью, но Истина, кажется, не посылала мне таких страшных, заволаживающих картинок. Берегла мою нежную детскую психику?... А теперь, получается, можно?

Я провела пальцами по Оку, и оказалась в другой эпохе. Картинка сменилась, теперь вокруг меня возвышались странные растения, по небу летали огромные ящеры с перепончатыми крыльями, они зловеще кричали, а из-за холма неподалеку вдруг появился огромный зубастый монстр на задних лапах. К счастью, меня он не заметил, с рычанием погнался за другим монстром, с огромным рогом на носу, торчащим вверх.

Я еще раз коснулась Ока, и оказалась в густом лесу. Вдали показалась огромная обезьяна, вся заросшая шерстью, затем еще одна. «Нет уж, – содрогнувшись, подумала я, – не надо мне этого «погружения в прошлое»! Лучше куда-нибудь подальше от этих чудовищ!» – и снова коснулась Ока.

Теперь я шла по красивому, очень ухоженному парку, с дивными цветами на клумбах. И пахли они тоже дивно (опять же, стараниями Истины, в реальности мой нос никаких запахов не ловил). Вокруг – причудливые дворцы с колоннами и лепниной на фасадах. Где-то вдали прогуливались дамы в пышных нарядах, с зонтиками.

«А я как выгляжу, интересно?» – я посмотрела вниз, и увидела свою пышную юбку нежно розового цвета, и торчащий из-под нее мысок туфельки с бантом.

И тут же, в ближайшем окне, отразился мой силуэт.

Это была я – в старинном платье, причудливо взбитыми волосами, и тоже с кружевным зонтиком на плече. Я себе очень понравилась: надо же, какая хорошенькая дама, с этой, невесть откуда взявшейся, родинкой над верхней губой. И волосы у меня такие длинные, что из них получилась соорудить столь высокую прическу. И цвет у них замечательный... Золотистый.

Ну да, мои волосы были такого же оттенка... Только до плеч, как и у всех женщин этого мира. Моих современниц, то есть. Одна длина для всех. А так, конечно, хотелось бы подобного буйства на голове...

Но, с другой стороны, это же тяжело – таскать на себе такую копну, и держать ее в порядке...

Кстати, исторической достоверности именно в этих сюжетах, с людьми, не наблюдалось. Прогулки, они лишь про декорации, они о нарядах какого-либо времени. Передают атмосферу прошлых эпох, но исторических фактов в них не больше, чем в какой-нибудь детской сказке.

Я еще раз сменила эпоху, потом еще. И каждый раз любовалась собой в новом образе. Потом вдруг опомнилась: ну и кому может понравится столь откровенное кокетство? Какая же это Хистори, что она там отражает? Что символизирует? Мою страсть к самолюбованию?

Я перебрала еще несколько сюжетов с разными временами и новыми нарядами, но все равно осталась недовольной.

Я провела пальцами по Оку, и покинула режим Прогулок. Вновь оказалась в этой, своей реальности. В своем реальном мире. Наверное, я уже давно бродила по закольцованной улице, придумывая Хистори... Все мои виртуальные наброски никуда не годились. Что делать-то? Хистори – это такая вещь, которую могу придумать только я, Истина за меня это не сделает, Истина лишь для того, чтобы помочь мне, но не больше.

Око напомнило о себе, слегка зачесалось. Я взглянула на левую ладонь – картинка Столовой.

«Да что ж такое, как время-то летит!» – в отчаянии топнула я ногой. Затем вспомнила о Нине – идти ли к ней, с

коляской? Но потом, задействовав всю свою волю, решила, что не стану, пусть как хочет поступает, а то я уж слишком давлю на свою воспитательницу.

...В Столовой было уже много народу. Столики для оди-
ночек все заняты.

– Рита... Иди к нам, – позвал меня Дэн.

Они с Ларой сидели за столиком, предназначенным для троих. Я кивнула – а что делать.

На раздаче провела ладонью перед считывающим устройством, из окошка выдвинулся поднос с моим ужином. Отдельно – желто-рыжее нечто, помидоры опять, и какие-то ягоды.

С подносом я направилась к Дэну и Ларе.

Некоторое время мы ели молча. Лара о чем-то напряженно думала, а Дэн, судя по всему, вообще ни о чем не думал, он рассеяно смотрел по сторонам, и едва заметно улыбался. Лара толкнула мужа локтем:

– Дэн...

– Да, дорогая? Ой, прости! – он пересыпал рукой все помидоры со своей тарелки – на ее. И свои ягоды тоже отдал.

Подобное поведение являлось недопустимым. Я и то почувствовала себя очень неудобно, когда недавно за обедом, в порыве чувств, решила предложить одну маленькую помидоринку Нине. И Нину это тоже шокировало тогда.

...В раннем детстве, помнится, мы с друзьями пробова-
ли друг у друга еду, когда родителей рядом не было. Иногда

ничего не случилось, но, бывало, у кого-то болел живот. Потом это желание – залезть к другому в тарелку – исчезло. Но взрослым людям зачем делиться едой?

Дэн же, получается, сейчас отдал Ларе половину своего ужина.

– Дэн! – пробормотала я. – Разве так можно?

– А почему нет? – ласково и как-то устало улыбнулся он мне.

– Как-то это... неправильно! – растерянno произнесла я.

– Меня потом пучит, – засмеялась Лара. – Дома, ночью. Это смешно. Рита, дай чего-нибудь твоего попробовать, а?

– Я же не наемся! – испугалась я.

– Так это тоже смешно, да, Дэн? Рита, ты когда-нибудь испытывала голод? Сильный голод?

Дэн кивнул согласно. Буркнул:

– Голод – тоже забавно. Разве плохо чувствовать себя живым?

– Что значит живым? – переспросила я, но мне никто не ответил.

Я переводила взгляд с Лары на Дэна. И вдруг заметила (раньше-то никогда особо не приглядывалась!) – что они, кажется, изменились. Дэн выглядел худее, чем обычно, а у Лары, наоборот, стали чересчур уж выделяться щеки.

– Ты еще ребенок, Рита, тебе не понять, о чем мы, – насмешливо произнесла Лара.

– Я с сегодняшнего дня уже считаюсь взрослой!

– О, правда? Поздравляю, Рита, – добродушно похлопал меня Дэн по плечу.

– Так скучно жить, просто невыносимо... Ни шагу в сторону. Каждую порцию выдают с точностью до одного крошечного зернышка... – пренебрежительно произнесла Лара.

– А как иначе-то? – все с тем же недоумением воскликнула я. – Если так надо, если вот это все... вообще *все*: еда, ее количество, ее состав – это самый оптимальный вариант, и именно для тебя он подобран?

– Ты спрашиваешь – зачем? – ноздри у Лары расширились, словно ей не хватало воздуха. – Так Дэн же тебе только что ответил...

В этот момент в Столовую, через обычный, простой вход зашли Дина с коляской, в которой сидел Ники, и Нина. Она держала Дину под руку, но двигалась довольно бодро сейчас.

Они все помахали мне, и я им в ответ махнула.

Лара, как уставилась на Ники, так и не отрывала от него больше взгляда. И что-то такое было в ее лице... тоскливое, и одновременно, страстное. Мне ее стало невыносимо жалко.

Я взяла горсть помидорок со своей тарелки – маленьких, оранжевых, с лоснящейся тонкой-тонкой кожицей, которая так приятно лопалась во рту, на зубах – и положила их в тарелку Ларе. Подумала, и добавила ей еще своих ягод.

Она, продолжая смотреть на Ники, пожала мне руку.

Этот жест растрогал меня еще сильнее.

Потом Лара дернулась, посмотрела на свою левую ладонь.

– Что? – спросил жену Дэн.

– К Медикалу опять вызывают.

– Понятно, – он помолчал, ковыряясь ложкой в своей тарелке. – Знаете, чего бы я сейчас хотел попробовать?

– Чего? – спросили мы с Ларой одновременно.

– Алкоголя! Водка, шампанское, коньяк... Слышали про такое?

– Не интересовалась! – быстро ответила я, а Лара помогла головой.

– А я специально в Мемори этот вопрос изучал, не все сведения Истина успела подтереть, – важно признался Дэн. Потом обратился ко мне: – Рита, ты ведь взрослая теперь, а значит, мы уже можем говорить с тобой на эти темы...

– Конечно, я в курсе насчет алкоголя, но, повторю – только в общих чертах. Неохота вникать. Что в нем интересного, Дэн? Это же медленный яд. Скольких людей он погубил, изуродовал, скольким испортил жизнь!

– И скольким дал счастье... Напиток забвения.

– Дэн!

– Я бы хотел сейчас выпить чего-нибудь такого... крепкого. И выкурить потом табака.

– Дэн!!!

– Да он шутит, ты что, Рита, шуток не понимаешь? – толкнула меня локтем Лара.

Я смутилась, замолчала. Да, наверное, Дэн и вправду шутил. Ну невозможно же с такой любовью обсуждать все эти

смертельные яды, которыми раньше злоупотребляло человечество... Еще и наркотики существовали, это вообще что-то страшное, как понимаю.

Поначалу, в прежние времена, давно, все эти вещества находились в свободном доступе, ими мог воспользоваться кто угодно. Даже детям иногда давали немного алкоголя с питьем, чтобы они меньше плакали и больше спали. Конечно, потом эти дети становились зависимыми и быстро гибли.

И алкоголь, и табак (кроме наркотиков, то вообще чудовищное вещество) – прежде были доступны всем. Стояли на виду, и любой желающий мог их приобрести. Потом люди сообразили, что так нельзя, слишком много трагедий и жертв, и спрятали алкоголь с табаком в закрытые, отдельные помещения. Правда, их все равно мог купить любой взрослый. Потом о них запретили упоминать публично, хотя по-прежнему их было легко приобрести.

Наверное, ситуация с опасными веществами могла длиться вечно, поскольку они вызывали серьезную зависимость, вроде болезни, и которую никак не вылечить, кстати. Человечество довольно быстро сокращалось. Во время карантин-ов люди сидели дома, и пили, пили... К тому времени был так же утерян и интерес к продолжению рода...

Лишь Истина, позже, смогла справиться с этой ситуацией. Производство вредных веществ было полностью закрыто. Раз их нет, то откуда взяться зависимости? Да, оставались еще любители домашнего «зельеварения», только вот где им

взять теперь ингредиенты? Ведь к тому времени образ жизни человечества полностью изменился... А постоянные переселения окончательно «добили» тягу людей к запрещенным веществам, поскольку всеобщая ротация разрушила связи между их поставщиками и потребителями.

Поля с опасными растениями были заброшены, тайные лаборатории потеряли своих хозяев. Из Мемори полностью исчезли все рецепты, позволяющие повторить производство отравы. Да, не сразу, не в один момент решила эта проблема – зависимости человечества от вредных веществ, было еще много попыток воссоздать утерянное... но потом всё окончательно успокоилось. Потребность человечества в ядовитых веществах исчезла навсегда.

Конечно Дэн сейчас пошутил про алкоголь с табаком, Лара права. Не может нормальный человек желать всерьез, чтобы весь этот разрушительный угар повторился!

Мы покинули Столовую одновременно – я, Дэн и Лара. Прошли по очереди, держа дистанцию, по Лабиринту, крутя все эти колесики и рычаги, напевая мелодию. Мне это даже понравилось – как мы дружно пели хором, находясь в разных концах помещения.

– Рита, у тебя есть голос, оказывается, – заметил Дэн. – И слух!

А я в это время пыталась понять, что ощущает мой организм. Я же не наелась, получается? И правда, как-то странно в животе у меня теперь...

Мы дошли до Медикала. И тут произошло следующее. Лара провела рукой перед считывающим устройством, а Дэн, как-то извернувшись, прижался к выступающей приборной панели своим плечом (те, у кого хватало роста и сил, обычно прижимались к панели, а не вытягивали трубку с устройством, делающим инъекции).

То есть, укол предназначался Ларе, а получил его – Дэн. Это было настолько невероятно, невозможно, и ужасно, что я на некоторое время даже потеряла способность говорить. Просто стояла, и широко раскрытыми глазами пялилась то на Лару, то на Дэна.

– Ну ты чего, Рита, – довольно грубо произнесла Лара. – Не видела такого еще, да?

– Н-не видела...

– Ты много еще чего не видела, не слышала, и не знаешь из реальной жизни.

– А если Истина обнаружит ваш обман? – спросила я.

– Не обнаружит. Вернее – *сразу* не обнаружит. Анализ крови она не так часто делает. Периодически... Она больше следит за температурой, или пульсом, например. Как только у кого паника начинается – она в курсе, но в остальном можно что хочешь делать...

– Лара! Дэн! Но так нельзя! – очнулась я. – Это же... даже не знаю, что теперь будет с вами.

– Да ничего не будет, – равнодушно ответил Дэн.

– Как? Ларе не станет лучше теперь, а тебе, Дэн, наоборот,

будет хуже...

– Вот не надо этой пустой болтовни – лучше, хуже, – поморщилась Лара. – Мы и без того с Дэном в западне. Истина не позволяет нам родить. Считает, что мы не готовы стать родителями. Эта пигалица может, а я, получается, нет?

Я поняла, что Лара имеет в виду Дину. Поскольку Дина отличалась довольно невысоким ростом.

Дэн обнял Лару, прижал к себе.

– Тихо, тихо, милая... Если ты опять начнешь волноваться, Истина пропишет тебе очередной укол. А для меня это перебор уже... Рита, ты ведь не расскажешь об этом никому? О том, что инъекции достаются мне, а не Ларе?

Я, если честно, еще даже не задумывалась о том, надо рассказать об этом кому-то, или нет. Хотя, наверное, позже – я поведала бы о данной ситуации Нине? Я всегда бегала к ней с вопросами, и ждала от нее советов. Я всем с ней привыкла делиться. Так что, думается, да, я наверняка обо всем рассказала бы Нине, рано или поздно.

– Она расскажет, – засмеялась Лара, словно подслушав мои мысли. – Нине своей. Я Риту знаю. А Нина потом официально донесет на нас.

«Донесет» – это неправильное слово. Если случались проблемы в обществе, то обычно говорили – «надо нажать на красную кнопку». Подходили к Ловемату, который отвечал за все социальные дела, и нажимали на большую красную кнопку, что располагалась отдельно, где-то сбоку. И все.

Каким-то там образом, через Око жалобщика, потом – Истина сама уже вникала в проблему.

Это Лена мне рассказала. Она уже несколько раз нажимала эту самую кнопку. Лена хотела уехать, и это была ее главная просьба, обращенная к Истине. Пока еще нерешенная.

– Нина – донесет? – переспросила я. – То есть, нажмет на красную кнопку, ты это имеешь в виду?

– Ну да. Сама еле ходит, а вот доносить точно потащится... Да и вообще, говорят, донести можно, не выходя из дома.

– Не будет Нина этого делать, – строгим голосом произнесла я.

– Рита, ты точно еще совсем ребенок! – всплеснула руками Лара. – Ты что, до сих пор не поняла, кто она, твоя Нина? Она же помешана на правилах, чтобы они все и всегда соблюдались!

Я смешалась. А ведь правда, моя воспитательница терпеть не могла, когда игнорировали закон, и никому (даже себе) не позволяла поблажек.

– Хорошо, – кивнула я. – Нине я ничего не стану говорить о вас.

– Значит, сама побежишь жаловаться? – с интересом спросила Лара.

– Тебя ж никто не станет наказывать, – неуверенно возразила я. – И Дэна тоже. Просто сделают тебе заново все нужные уколы, что такого...

– Ха. Хорошо, если только это, – фыркнула Лара. – До сих пор помню, как мне было плохо, когда мне проводили последнюю процедуру. Адская боль. Этот паршивый Медикал сломался именно тогда! Прямо со мной внутри! Дурацкая хреновина – мучила меня!

– Так Медикал и поменяли сразу после того! – сказала я. Дэн, кажется, «отключился». Он больше не спорил, он замер, и теперь стоял с Ларой рядом, безучастный и спокойный. Кажется, даже небольшие морщинки на его лице разгладились, оно стало ровным-ровным.

– Ты, Рита, не понимаешь, – продолжила Лара. – Нас же наверняка разлучат с Дэном, если все станет известно Истине. Либо его, либо меня – перебросят в какой-нибудь другой район. Одни долго-долго теперь ждут переезда, а других только так переселяют, в один день. Нас с ним – раскидают, в один момент! А до того нам «закроют» либидо. Лишат возможности проявлять свою любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.